

Валерий Шашин

**ЛЮБОВЬ
НА БАЗАРНОЙ ПЛОЩАДИ**

пьеса в двух действиях

Москва
Издательство «БПП»
2009

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЛЕБЕДЕВ Станислав Петрович, профессор, политолог
ЮЛЯ, дальняя родственница ЛЕБЕДЕВА, студентка-модельер
ТИМ, водитель ЛЕБЕДЕВА, инженер по диплому

Действие происходит в квартире ЛЕБЕДЕВА, точнее, в его комнате, которая — и спальня, и кабинет, и гостиная.

На видном месте висит рекламный постер ЛЕБЕДЕВА, где он преподнесён как кандидат в Государственную Думу. Снизу надпись: ПРОФЕССОР И ПОЛИТИК — ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ?

Комната явно перегружена вещами, но не столько мебелью, сколько всякого рода сувенирами: оленьими рогами, муляжом осетра, макетом космического корабля, подарочными блюдами, вазами, бутылками и прочими безделушками, развешанными и разбросанными где и как попало среди множества книг, журналов и прочих бумаг.

«Спальня» отделена нишей с тяжелыми шторами.

У широкого окна стоят кресло-кровать, туалетный столик с графином и стаканом, с всевозможными лекарствами, телефонным аппаратом и полевым биноклем.

Обитатели квартиры уже довольно давно живут вместе, поэтому общие слова и выражения не являются для них случайными.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер. Накрытый к ужину стол. У окна в ожидании стоит ЮЛЯ. Вот она срывается с места навстречу входящим ЛЕБЕДЕВУ и ТИМУ.

ЮЛЯ. Ну?!

Она вся — нетерпение.

ЛЕБЕДЕВ, не отвечая, проходит неспешно в комнату, торжественно ставит на старинную радиолу пластинку.

ЮЛЯ. Проскочили?

Звучит чудный романс.

ЛЕБЕДЕВ (с достоинством поворачивается). Что значит проскочили? Вошли! Вошли в первую десятку партийного списка, мисс!

От полноты чувств раскрывает объятия.

ЮЛЯ. Пан профессор!.. *(Бросается ЛЕБЕДЕВУ на шею, замирает и торжественно отступает.)* Господин депутат!.. Разрешите?..

С грациозным реверансом завлекает ЛЕБЕДЕВА в танец.

ТИМ, улыбочиво щурясь, наблюдает за ними.

ЮЛЯ незаметно от ЛЕБЕДЕВА подаёт ему знаки, чтобы убирался, не мешал...

ТИМ *(не сразу спохватившись)*. Я, это, пойду тогда, ага!

ЛЕБЕДЕВ. Куда? А ужинать-то с нами?

ТИМ. Не, спасибо. Я булку съел уже. И, это, спешу очень... надо...

Пятится к выходу.

ЛЕБЕДЕВ. Завтра — к десяти!

ТИМ. Ага. До свидания!

ЛЕБЕДЕВ. До свидания, Тимчик! Спасибо!

ТИМ уходит.

ЮЛЯ. Этот вечер наш!

Приникает к ЛЕБЕДЕВУ. Танец продолжается.

Вдруг на улице грохает что-то похожее на выстрел. И тут происходит странная штука, ЛЕБЕДЕВ поражено застывает, а в следующую секунду хватается за сердце.

ЮЛЯ. Пан Станіслав?!

ЛЕБЕДЕВ *(стонет)*. Ооо!.. Больно!..

Начинает оседать на пол.

ЮЛЯ *(в ужасе пытается удержать его)*. Ти-и-и-им! Тим!..
ТИМ *(из прихожей)*. Аюшки?

ЮЛЯ *отчаянно удерживает ЛЕБЕДЕВА*.
ТИМ *заглядывает в комнату*.

ЮЛЯ. Он падает! Скорее!

ТИМ *не успевает подхватить осевшего ЛЕБЕДЕВА*.

ЛЕБЕДЕВ. Это... инфаркт. Звони...

Не договаривая, теряет сознание.
На одном и том же месте крутится заевшая пластинка.
Затемнение.

Утренний полумрак, тишина. Белеет простынёй разложенная и покинутая кем-то раскладушка. За тяжёлыми шторами на спальном алькове включается ночник. От потолка к полу пролегают светящаяся полоска.словно бы сквозь неё пробивается жалобный голос...

ГОЛОС ЛЕБЕДЕВА. Ти-и-имм! *(Пауза.)* Ю-у-ля-а! *(И снова.)* Ти-и-имм!

Зов повторяется и повторяется и, кажется, уже совершенно напрасно.
Наконец вбегает ТИМ. Он — в трусах, волосы всклокочены. За ним, запахивая халат, поспешает ЮЛЯ. ТИМ раздёргивает штору.
На кровати, привалясь безжизненным кулём к подушкам, сидит обессиленный ЛЕБЕДЕВ в полосатой пижаме.

ЛЕБЕДЕВ *(в полузабытьи)*. Ю-у-ля-а! Ти-и-имм!

ЮЛЯ. Тихо-тихо! *(Присаживается перед ЛЕБЕДЕВЫМ, привычно нащупывает пульс.)* Здесь мы.

ЛЕБЕДЕВ. Здесь? *(Пытается поднять и роняет голову.)* Спасибо.

ТИМ. Что-нибудь нужно, Станислав Петрович?

ЛЕБЕДЕВ *(с трудом)*. Света... воздуха...

ЮЛЯ. О, Господи! Тим?..

ТИМ *(раздвигает на окне шторы, открывает форточку)*. А я, это, в туалет вышел, сижу, значит, там...

ЮЛЯ. Там! Дежурный называется! *(Проверив пульс)*. Ничего страшного. *(Встаёт и, зевая, потягивается.)* А я слышу, вроде воеет что-то, а что? — не пойму...

ЛЕБЕДЕВ. Это я... выл.

ЮЛЯ. Во сне-то не разберешь... *(Придирчиво разглядывает ЛЕБЕДЕВА.)* Ну и чего вы... выли с утра пораньше?

ТИМ *(укоризненно)*. Не выли, а звали.

ЛЕБЕДЕВ. Спасибо, Тимчик.

ЮЛЯ. Что стряслось-то? Приспичило, что ли?

Присаживается к ЛЕБЕДЕВУ.

ЛЕБЕДЕВ. Нет. *(Качает головой.)* Сказать хотел.

Роняет безжизненно голову, затихает.

ЮЛЯ. Ну? Изрекайте! *(Трясёт за плечо.)* Все, кроме вас, уже проснулись.

ТИМ *(укоризненно)*. Не гони, а?

ЛЕБЕДЕВ *(с трудом)*. Женитесь...

ЮЛЯ. Что?! *(Встаёт.)* С чего это вы вдруг... взяли?..

ТИМ *(оправдывается)*. Да я просто в туалет вышел!..

ЛЕБЕДЕВ *(гнёт своё)*. Квартиру оставлю...

ЮЛЯ. Ну, вообще!..

ЛЕБЕДЕВ. Всё равно. Конец. Скоро.

ТИМ. Не надо так говорить, Станислав Петрович, и думать не надо!

ЛЕБЕДЕВ. Живите. Будьте счастливы.

Роняет голову, затихает.

ЮЛЯ. Благословляете, значит. Гран мерси, пан Станислав. *(Встаёт.)* Только напрасно вы беспокоитесь: мы вас, такого, и без квартиры вашей бросать не собирались.

ТИМ *(взволновано)*. Как за отцом родным ухаживать будем. Клянусь!

ЛЕБЕДЕВ. Спасибо, Тимчик.

ЮЛЯ. Будем вам теперь с утроенной энергией слюнки вытирать, кашками полезными подкармливать...

ТИМ. Всё будем делать, всё!

ЛЕБЕДЕВ. Спасибо.

ЮЛЯ. А как завещание составим, так отравим!

ТИМ. О! *(От возмущения даже подскакивает.)* Ты чего?

ЛЕБЕДЕВ. Она шутит, Тимчик, шутит.

ЮЛЯ. Кто же такими вещами шутит? *(Присаживается на кровать, обнимает ЛЕБЕДЕВА.)* Да правильно вы решили, не мучайтесь! У вас всё равно ближе никого нет, а я, хоть и седьмая вода на киселе, всё ж таки не чужая. И Тимчик вас уважает. Уважаешь, Тимчик? *(ТИМ теряется.)* Видите, даже слов не находит.

ТИМ. Почему не нахожу? Нахожу!

ЮЛЯ. Так что не переживайте, — матрос котёнка не обидит.

ТИМ. Какого котёнка? Как за отцом родным... Клянусь!..

ЛЕБЕДЕВ. Спасибо!

ЮЛЯ. И вам спасибо! От бедной родственницы. *(Гладит ЛЕБЕДЕВА по плечу, поднимается. Деловито.)* Надо, что ли, какой звонок отсюда к нам провести... дежурный.

ТИМ. Проведём! Всё сделаем! *(ЛЕБЕДЕВУ.)* Одеваться будем?

ЛЕБЕДЕВ. Мне бы сначала это... прогуляться...

ТИМ. В туалет? *(Помогает ЛЕБЕДЕВУ подняться.)* Пойдёмте!

ЛЕБЕДЕВ. Спасибо, Тимчик!

Осторожно, — ТИМ в трусах, ЛЕБЕДЕВ в перемятой обвисшей пижаме, — движутся к выходу.

ЮЛЯ. Эй, мужики!

«Мужики» оборачиваются.

ЮЛЯ молча рассматривает их, ожидающих продолжения.

ЮЛЯ. А вы неплохо смотрите... в паре!

Эти слова явно не те, что она собиралась сказать.

ТИМ и ЛЕБЕДЕВ переглядываются.

ТИМ. Не обращаем внимания.

ЛЕБЕДЕВ. Не обращаем.

Поворачиваются и продолжают путь.

ЮЛЯ. Мы теперь — одна семья! Верно?

ТИМ и ЛЕБЕДЕВ приостанавливаются, но уже не оборачиваются и выходят.

ЮЛЯ подходит к кровати, начинает убирать постель, поднимает подушку и вдруг утыкается в неё лицом. Сотрясаясь в плаче, валится на кровать.

В этой позе её застаёт вошедший ТИМ. Он присаживается на корточки перед уткнувшейся в подушку ЮЛЕЙ, дотрагивается до неё.

ТИМ. Ну чего ты?.. По-моему, радоваться надо.

ЮЛЯ *(садится)*. А что я, по-твоему, делаю?

ТИМ мягко падает на колени и обнимает ЮЛЮ вместе с подушкой.

Затемнение.

За окном день.

В комнату входят ТИМ и ЛЕБЕДЕВ.

ТИМ. К окошку, Станислав Петрович?

ЛЕБЕДЕВ. Да посижу немного. Только, чтоб не надуло.

ТИМ *(усаживая ЛЕБЕДЕВА в кресло)*. Я прикрою... *(Прикрывает форточку.)* Так?

ЛЕБЕДЕВ. Можно ещё чуть-чуть... Достаточно.

ТИМ. Теперь не надует. Пледом накрыть?

ЛЕБЕДЕВ. Да, пожалуй, не помешает. *(Даёт себя укутать.)* Спасибо, Тимчик!

ТИМ *(деловито осматриваясь)*. Так, телефон здесь, лекарства здесь, водичка — вот она... А где бинокль? *(Находит полевой бинокль.)* Я вот всё думаю, может, вам подзорную трубу прикупить?

ЛЕБЕДЕВ. Зачем?

ТИМ. Труба, мне кажется, солиднее. Больше вам, как профессору, подходит. Нет?

ЛЕБЕДЕВ. Этот бинокль мне в высшем артиллерийском училище подарили.

ТИМ. Даже так!

ЛЕБЕДЕВ. Начальник училища говорит: «Таких лекторов нам никогда не присылали!».

ТИМ. Во как! Сейчас фрукты принесу.

ЛЕБЕДЕВ. На добрую память, говорит, разрешите преподнести вам бинокль.

ТИМ. Зауважали, значит!

ЛЕБЕДЕВ. Я его от больших неприятностей спас. Знаешь, что на воротах этого артиллерийского училища написано было? «Наша цель — коммунизм!»

ТИМ. Здорово!

ЛЕБЕДЕВ. Я спрашиваю: изо всех орудий по цели бабахнуть изготовились или как? Он побледнел, за голову схватился: «Станислав Петрович, не выдавайте!

ТИМ. Не выдали?

ЛЕБЕДЕВ. Я хороших людей не выдавал. *(Помолчав.)* Да, было время.

ТИМ. Клёво пожили, что и говорить. *(Спыхватывается.)* В смысле, интересно!

ЛЕБЕДЕВ. Скучать не приходилось. Государственным гимном, случалось, приветствовали. Да. Стоя!

ТИМ. Надо же! А этого *(показывает на муляж осетра)* вам тоже... подарили?

ЛЕБЕДЕВ. Всесоюзный институт Ихтиологии. А этот «Восход» *(показывает на модель космического корабля)* из Звёздного городка, от космонавтов.

ТИМ. И у них выступали? Здорово! Где вы только не побывали, Станислав Петрович.

ЛЕБЕДЕВ. На месте не сидел. Активный был. Как, бывало, съезжу куда, обязательно в ЦК записку пишу. Не терпел несправедливости. Разгильдяйства не терпел, хамства. Потом только слышу: там голова полетела, этого убрали, с тем разобрались, туда комиссию направили. А что думаешь? Раньше аппарат чётко на сигналы реагировал. Не то, что теперь.

ТИМ. Теперь-то, конечно, куда!

ЛЕБЕДЕВ *(авторитетно)*. Дальше ещё хуже будет.

ТИМ. Это уж точно! Сейчас фрукты принесу.

ЛЕБЕДЕВ. Спасибо.

Берёт бинокль, смотрит на улицу.

ТИМ направляется к выходу и сталкивается с входящей ЮЛЕЙ. Они поднимают руки и беззвучно ударяются в воздухе ладонями.

ЮЛЯ *(войдя)*. Уже на вышке? И чего вы там всё высматриваете?

ЛЕБЕДЕВ. Жизнь, Юленька, жизнь!

ЮЛЯ. Да на кой ляд она вам сдалась жизнь эта? Лучше бы по телефону звонили.

ЛЕБЕДЕВ *(недовольно)*. Куда ещё?

ЮЛЯ. Не куда, а кому. Врачу, разумеется.

ЛЕБЕДЕВ *(не сразу)*. Считаешь, уже нужно?

ЮЛЯ. Ну а чего ж тянуть? Без инвалидности опёку не оформишь.

ЛЕБЕДЕВ. О хо-хо! Слово-то какое — инвалидность!

ЮЛЯ. Нормальное слово. Самое для вас подходящее.

ЛЕБЕДЕВ. Ну, Юлька! *(Качает головой.)* Думал, хоть замужем помягчеешь.

ЮЛЯ. Во-первых, я ещё не замужем. А во-вторых, если вы на мою сексуальную неудовлетворённость намекаете, то не беспокойтесь — Тим без исполнения мужской обязанности не засыпает... Как некоторые. В третьих, сами учили: вещи надо называть своими именами. Вы без посторонней помощи обходиться не можете, следовательно — инвалид!

ЛЕБЕДЕВ. Набирай, набирай номер, язва!

ЮЛЯ. Вот видите! Даже номер набрать не в состоянии.

Набирает номер и смотрит с ехидной улыбочкой на ЛЕБЕДЕВА.

ЛЕБЕДЕВ. Давай!

Протягивает нетерпеливо руку.

ЮЛЯ *(всё с той же улыбочкой)*. Не спешите. Нам ещё не ответили.

ГОЛОС ИЗ АППАРАТА. Слушаю!

ЮЛЯ. Вот теперь держите, инвалид!

Снимает и вкладывает в руку ЛЕБЕДЕВА трубку.

ЛЕБЕДЕВ. Привет! Рад слышать жизнеутверждающий голос своего доктора, но ещё больше был бы рад увидеть своего любшего друга. Не заскочишь сегодня? Завал? Да нет, чувствую-то я себя неважно, но, если завал, то до завтра дотерпеть, думаю, смогу. Ну, буду терпеть. Обнимаю! *(Передаёт трубку ЮЛЕ.)* Завал, говорит.

ЮЛЯ *(мрачно)*. А у вас — аут!

ЛЕБЕДЕВ *(упавшим голосом)*. Ты серьёзно?

ЮЛЯ. Сказать надо было так. Аут, мол, и копец! Вы же на инвалидность собираетесь!

ЛЕБЕДЕВ *(возмущённо)*. Он мой друг! С ним вилять не надо!

ЮЛЯ. Со всеми надо вилять. И вам это, как бывшему цековскому работнику, хорошо известно.

Появляется с фруктами ТИМ.

ЛЕБЕДЕВ *(жалобно)*. Тим! Она надо мной издевается!

ТИМ. Она над всеми издевается.

ЮЛЯ. Пан Станіслав даже заподозрил, что это от сексуальной неудовлетворённости.

ТИМ. От... *(Растерянно.)* Почему?..

ЮЛЯ. Не знаю! *(ЛЕБЕДЕВУ.)* Вы почему заподозрили?

ЛЕБЕДЕВ. Тим, ты не поверишь, всего год назад эта наглая провокаторша переступила порог моей квартиры скромной провинциальной девушкой тургеневского типа.

ЮЛЯ. Типа как хороши, как свежи были розы?

ЛЕБЕДЕВ. Лишнее слово боялась вымолвить! Вежливой была, тихой! А теперь!..

ЮЛЯ. Превратилась в сварливую няньку. Кстати, по вашей же милости. *(Что-то вытирает платком с подбородка профессора.)* Не надо было инфаркт получать.

ЛЕБЕДЕВ *(уворачиваясь)*. Прости меня, Тимуша родной, прости!

ТИМ. За что?

ЛЕБЕДЕВ. Это я ведь вас свёл.

ТИМ. За это я вас, Станислав Петрович, всю жизнь благодарить буду.

ЮЛЯ *(многозначительно)*. Я тоже.

ЛЕБЕДЕВ *(ТИМУ)*. Слышал? Звучит как угроза!

ЮЛЯ. А вы что думали? Своднику — первый кнут!

ЛЕБЕДЕВ. О, горе мне, горе!

Вскидывает руки и болезненно морщится.

ЮЛЯ и ТИМ (*одновременно*). Кольнуло?
 ЛЕБЕДЕВ (*жалобно*). Отдалось как-то... Вот здесь...

Показывает под сердцем.

ЮЛЯ. Бедненький! Даже ручки поднять не в силах.
 ТИМ. Может, на кровать пойдёте? Полежите немного, а?
 ЛЕБЕДЕВ. Нет-нет, ничего... проходит...

Закрывает глаза, лежит расслабленный, несчастный.
ЮЛЯ и ТИМ стоят перед ним.

ЛЕБЕДЕВ. Ступайте, ступайте... (*Слабо машет рукой.*) Отпустило.
 ЮЛЯ (*жалобно*). Вы уж не умирайте, пожалуйста... до нашей прописки.
 ТИМ. Вот какая! Станислав Петрович ещё всех нас переживёт! Может.
 ЛЕБЕДЕВ. Не переживу.
 ЮЛЯ. А вам бы хотелось, да?
 ЛЕБЕДЕВ. Уведи её отсюда, Тим, уведи!
 ТИМ. Увожу, увожу! (*Тянет ЮЛЮ.*) Отдыхайте, Станислав Петрович!..
 ЮЛЯ. И думайте о приятном. На обед у вас манная кашка. Пока ещё — не отравленная!

ТИМ утягивает ЮЛЮ.

ЛЕБЕДЕВ лежит с закрытыми глазами и открытым ртом — выравнивает дыхание. Затем тянется к биноклю и начинает не спеша обзирать улицу, разговаривая с самим собой.

ЛЕБЕДЕВ. Так, ну что там у нас происходит? Живую рыбку привезли... Надо бы прикупить карпика на ужин... Ух, трепыхается как, того гляди из сачка выпрыгнет. А это ещё что такое? Новая палатка! Здравсте-пожалуйте! Хлебо-булочные изделия продавать удумали... в грязи уличной. Правильно — самое подходящее место. Старую булочную на ремонт закрыли, стало быть, либо мебельный салон откроют, либо заграничные унитазы на всеобщий обзор выставят. А продавщица ничего... очень даже... славненькое личико... Вот, вроде бы, и не красавица, а увидишь, и что-то сразу отзывается... Как-то отрадно сразу на душе делается, умильно... Так бы смотрел себе и смотрел... Не зря говорят, на огонь, воду и красивую женщину можно любоваться до бесконечности.

Улыбается! Вот ведь никому улыбается, а приятно. Чудесное личико, просто чудесное! И девушка, наверное, славная... с такой-то улыбкой. Во всяком случае, испорченности не видно. Чистая ещё, непорочная. И хорошо, что торгует булочками, ей это очень даже подходит. Кстати, надо непременно наказать Тиму, чтобы прикупил у неё что-нибудь... марципан или розанчик. Буду есть и любоваться на её милое личико. Наверняка пойдёт на пользу, хотя и мучное. (*Не отрываясь от бинокля, зовёт.*) Тим! Тима! Тимуш!

ТИМ (*появляясь*). Вот он я! Звали?

ЛЕБЕДЕВ. Тим, ты как сегодня пойдёшь на площадь, купи свежего карпика — рыбки что-то захотелось — и булочку прикупи.

ТИМ. Какую булочку?

ЛЕБЕДЕВ. Любую, Тимчик. Главное, из её рук. Вон той девчушки, видишь, под зелёной палаткой с краю?

ТИМ *(вглядываясь)*. Ну?

ЛЕБЕДЕВ. Розанчик или марципан. Неважно. И постарайся разведать её имя.

ТИМ. Имя? Зачем?

ЛЕБЕДЕВ. Если она... Впрочем, нельзя гадать — скверно! *(Поворачивается к ТИМУ.)* Я с благодарностью приму любое её имя... Любое!

ТИМ *(неопределённо пожимая плечами)*. Ну хорошо...

ГОЛОС ЮЛИ. Тим! Ты надолго?

ТИМ *(спохватываясь)*. Иду! *(ЛЕБЕДЕВУ уже отвернувшись к окну.)* Станислав Петрович, извините, меня там Юля в ванной дожидается...

ЛЕБЕДЕВ *(увлечённо)*. Как же она всё-таки хороша! Прелесть просто! Вот смотрю и не имею ни малейшего желания оторваться.

ТИМ. Надо ей спинку потереть.

ЛЕБЕДЕВ. Спинку? *(Поворачивается с недоумением к ТИМУ.)* Зачем?

ТИМ. Она там моется, в ванной... *(Показывает, как моются.)* А потом я сгоняю. Хорошо?

ЛЕБЕДЕВ. Куда сгоняешь?

ТИМ. На рынок. Вы же булку хотели.

ЛЕБЕДЕВ. Хотел. *(Оживляется.)* Молодец, что напомнил. Знаешь, как мы сделаем? Подойдёшь к ней и скажешь... ну, что-нибудь типа: «девушка, позвольте положиться на ваш вкус... Не откажите в любезности порекомендовать мне самую лучшую вещь из вашего товара»... Нет, вещь — плохо, и товар — плохо. Не годится! Нужно иначе...

Задумывается.

ТИМ, нервничая, нетерпеливо мнётся.

ЛЕБЕДЕВ *(варьируя)*. Могу я вас попросить, выбрать мне из вашего ассортимента то, что вы больше всего любите? Да, так будет гораздо лучше. *(Оборачивается к ТИМУ.)* Запоминай! Могу я вас попросить, выбрать мне из вашего ассортимента то, что вы больше всего любите? Запомнил?

ТИМ. Ага... *(Шевелит губами.)* Запомнил.

ЛЕБЕДЕВ. Точно запомнил?

ГОЛОС ЮЛИ. Тим! Ты скоро?

ТИМ. Сейчас! *(ЛЕБЕДЕВУ нетерпеливо.)* А дальше?

ЛЕБЕДЕВ. Что дальше?

ТИМ. Ну, выберет она... из ассортимента?..

ЛЕБЕДЕВ. Очень хорошо! А ты возьмёшь, что она выберет, и ей подаришь!

ТИМ. Как?

ЛЕБЕДЕВ. Ну, скажешь просто: «А это вам!», — и отдашь!

ТИМ. Булку?

ЛЕБЕДЕВ. Ну да! Только прошу тебя — повежливее, поделикатнее!

ТИМ. Не понял. Это типа чтоб приколоться?

ЛЕБЕДЕВ. Что значит приколоться?

ТИМ. Ну, посмеяться чтоб, пошутить.

ЛЕБЕДЕВ. А что тут смешного?

ТИМ. Вот я и говорю... *(Представляет.)* Дайте мне, пожалуйста, самую вкусную булку. Даёт. А я ей — «это вам!». Её же булку. И в чём прикол?

ЛЕБЕДЕВ. Причём тут прикол? Просто ей приятно станет!

ТИМ. От чего? От того, что её булку и ей же?!

ГОЛОС ЮЛИ. Тим!..

ЛЕБЕДЕВ. Во-первых, необязательно булку. Может, она что-то другое выберет, а вторых, отчего же не приятно? Она же выберет то, что больше всего любит. Что в этом плохого?

ТИМ. Да бред какой-то! Её же булку и ей же! Да я вам, знаете, сколько таких подарков надарить могу? Хотите, бинокль подарю? (*Берёт из рук ЛЕБЕДЕВА бинокль.*) Пожалуйста! Это вам. (*Вручает бинокль.*) Хотите, вазу?

Берёт вазу.

ЛЕБЕДЕВ. Поставь на место!

ТИМ ставит.

ЛЕБЕДЕВ. Мне её в Гусе Хрустальном подарили.

ТИМ. Я ж к примеру! Так можно что угодно надарить. А если б она машинами торговала, вы бы ей, что, Мерседес вручили?

ЛЕБЕДЕВ. На Мерседес у меня денег не хватит.

ТИМ. Так вы ж без денег!

ЛЕБЕДЕВ. Как это без денег? Ты что? За булку заплатить надо!

ТИМ. Заплатить?

ЛЕБЕДЕВ. Ну а как же? Выберет она булку, а может, и не булку вовсе, — неизвестно, что она любит — ты поблагодаришь, расплатишься... после этого только и вручишь»... А ты как думал?

ТИМ, видимо, думал иначе.

ГОЛОС ЮЛИ. Тим! Я сейчас закроюсь! Мне же задувает из коридора!

ТИМ. Иду, иду!.. (*Торопливо.*) Не, Станислав Петрович, я так не смогу... Не надо лучше... Ну чего я ей вдруг ни с того ни с сего булку стану дарить?

ЛЕБЕДЕВ. Чудак-человек! Это же я дарить буду, не ты. От моего имени! Понимаешь?

ТИМ. Понимать-то я понимаю... Но как-то ломает меня как бы... Не супер как то...

ЛЕБЕДЕВ. Почему не супер? Ей же это доставит удовольствие. Она ведь выберет то, что любит... В этом и смысл!

ТИМ. Не, придумано, вообще-то, классно, только... (*Осенёно.*) Тогда я так и скажу: это, мол, от профессора вон с того окна. (*Показывает рукой.*) Можно?

ЛЕБЕДЕВ. Скажи. Отчего ж?.. (*Мечтательно улыбается.*) Скажи, он за вами в бинокль наблюдает. Артиллерийский.

ТИМ. Потому что типа больной. Да?

ЛЕБЕДЕВ (*не сразу*). И что тогда о нас подумают?

ТИМ. Что?

ЛЕБЕДЕВ. Что мы с тобой оба больные, вот что! Нет, Тимчик, ты уж, пожалуйста, инициативы не проявляй. Скажи просто: «сидит, мол, у окна и любит»...

ТИМ. Типа вашими булочками, мол...

ЛЕБЕДЕВ. Да не булочками я типа люблюсь, а ею!

ГОЛОС ЮЛИ. Тим! Я закрываюсь. Всё!

ТИМ. Бегу! (*Умоляюще.*) Станислав Петрович!..

ЛЕБЕДЕВ. Слушай, что она там надрывается, а?

ТИМ. Ей спинку потереть надо.

ЛЕБЕДЕВ. Ну и потрёшь! Тоже мне проблема! Она у неё, что, коростой заросла? — орать на весь дом! На чём мы остановились?

ТИМ (*угрюмо*). На булке.

ЛЕБЕДЕВ. На булке. Ты, Тим, вообще-то, поосторожнее с ней, не каждый день спинку три.

ТИМ. Я не каждый. Сейчас первый раз зовёт. За всё время.

ЛЕБЕДЕВ. Смотри! Я её лучше тебя знаю и поэтому дружески предупреждаю: ей главное — оседлать мужика. Понял?

ТИМ. Понял.

ЛЕБЕДЕВ. Вот и хорошо. На чём мы остановились?

ТИМ. На булке.

ЛЕБЕДЕВ. На булке. (*Раздражаясь.*) А почему ты так уверен, что на булке? У неё, между прочим, много другого всякого товара. (*Берёт бинокль, изучает.*) И печенье, я вижу, есть и пряники разные, и вафли... Абсолютно неизвестно, что она из ассортимента выберет, абсолютно!

ГОЛОС ЮЛИ. Тим! Мне же задувает! Холодно же!

ТИМ. Ну сейчас, Юленька, сейчас!

Смотрит умоляюще на ЛЕБЕДЕВА, — отпусти, мол.

ЛЕБЕДЕВ. А вот возьми и не обращай внимания. Пусть покричит! (*Раздражаясь.*) Она что, не понимает, что ты можешь быть занят? Чего она разоралась?

ТИМ. Ей из коридора задувает. Дверь-то открыта...

ЛЕБЕДЕВ. Пусть закроет! Она что — инвалид? Вот ведь натура — вынь да выложи! Мы же с тобой заняты! Нет?

ТИМ (*угрюмо*). Станислав Петрович, дарю булку или то, что она там из ассортимента выберет, и ухожу?

ЛЕБЕДЕВ. Ну, конечно! Больше там тебе делать нечего, насколько я понимаю... На этом твоя миссия исчерпывается. Сполна!

ТИМ. Я понял. Могу идти?

ЛЕБЕДЕВ. Иди! А то она вся прямо оборалась там. (*ТИМ направляется к двери.*) Поймай! (*ТИМ останавливается.*) А имя? Мы ж хотели имя её узнать?

ТИМ (*обречёно*). Хотели.

ЛЕБЕДЕВ. Куда ж ты тогда понёсся? Нужно же ещё имя спросить?

ТИМ (*угрюмо*). Булку буду дарить и спрошу.

ЛЕБЕДЕВ (*подумав*). Ну, давай так и сделаем. Только — повежливее, пожалуйста, по деликатнее!

ТИМ. Я понял — без хамства. Могу идти?

ЛЕБЕДЕВ. Иди.

ТИМ идёт к двери.

ЛЕБЕДЕВ. А как думаешь, её зовут? Какое у неё имя?

ТИМ (*взвывает*). Станислав Петрович, я же не спрашивал ещё!

ЛЕБЕДЕВ. Ну ступай, ступай! Только вот что я тебе скажу... если она... (*Многозначительно замолкает, уставясь на ТИМА.*) Тогда...

ТИМ. Что тогда?

ЛЕБЕДЕВ. Тогда... *(Раздумчиво смотрит на ТИМА.)* Не знаю, что тогда!

Разводит руками.

ТИМ. Хорошо...

ЛЕБЕДЕВ. Хорошо? Нет, Тимчик, ты не понимаешь... Она же мне приснилась сегодня!

ТИМ. Булочница?!

ЛЕБЕДЕВ *(не сразу)*. Вроде — она.

ТИМ *(твёрдо)*. Я пойду.

Не дождавшись ответа, уходит.

ЛЕБЕДЕВ *(приставляет бинокль)*. Теперь-то, конечно, не вспомнишь... *(Досадливо.)* Только ведь напортит он всё, Тим этот! Ляпнет что-нибудь по глупости! *(Зовёт.)* Тим! Тима! Тимуш!

ТИМ *(мрачно входя)*. Здесь я.

ЛЕБЕДЕВ. Хорошо, что ещё не ушёл. Знаешь, я тут поразмыслил немного и решил... Только ты не обижайся. Не обидишься, нет?

ТИМ. Я на вас с Юлькой не обижаюсь.

ЛЕБЕДЕВ. Вот и умничка! Не надо никаких булочек. Мы лучше букет роз подарим. Попозже. Не возражаешь?

ТИМ. Как скажете.

ЛЕБЕДЕВ. Я, быть может, даже и записочку какую-нибудь присочиню... приветственную... Хотя для первоначального знакомства и булочка подошла бы. Ты как считаешь?

ТИМ. Нормально, считаю.

ЛЕБЕДЕВ. В общем, я ещё подумаю, как правильно сделать... А пока ступай, Тимчик... Спасибо.

ТИМ. Пожалуйста! Только некуда уже ступать.

ЛЕБЕДЕВ. Как это некуда? А спинку-то?..

Показывает как трут спинку.

ТИМ. Накрылась спинка!

ЛЕБЕДЕВ. Накрылась? Почему? Заперлась, что ли?

ТИМ. Ага. *(Опускает голову.)* Заперлась.

ЛЕБЕДЕВ. Вот ведь какая! То орала как ненормальная, а то... *(Находчиво.)* Так ты постучи ей, скажи: «Юля! Я от Станислава Петровича освободился и пришёл спинку тебе потерять»... *(Обнадёживающе.)* Откроет!

ТИМ. Уже не нужно, говорит.

ЛЕБЕДЕВ. А не нужно, так нам ещё лучше! *(Смотрит вопросительно на ТИМА.)* Или тебе самому хотелось?

ТИМ. Да ладно!.. *(Шмыгает носом.)* Успею, наверное, ещё...

ЛЕБЕДЕВ. Конечно, успеешь! Она у нас часто моется. Хотя, по правде сказать, ей не спинку потереть нужно, а что пониже как следует надраить! Крапивой! В самый раз было бы!

ТИМ. Не, не надо крапивой.

ЛЕБЕДЕВ. Надо бы, Тимчик, надо бы! Упрямство в ней, словно чёрт какой сидит! И ладно бы себе на пользу, а то во вред! И себе, и всем. Я воспитывал, воспитывал... Потом вот ты подвернулся.

ТИМ. Ага.

ЛЕБЕДЕВ. Так что честно предупреждаю — намаешься. Нет, она девушка, конечно, хорошая, но характер!..

ТИМ. Нормальный характер, интересный.

ЛЕБЕДЕВ. Мне-то не рассказывай — интересный! Знаешь, кто она по гороскопу? Скорпион!

ТИМ. Ну что?

ЛЕБЕДЕВ. А ничего! Этим всё сказано.

ТИМ. Что сказано-то? Ерунда всё это.

ЛЕБЕДЕВ. Будет тебе ерунда. Ты у нас, кстати, кто? Рак?

ТИМ. Ну, рак!

ЛЕБЕДЕВ. Тоже, в общем-то не подарочек... В тебе ведь, Тимчик, тоже упрямство-то присутствует. Не замечал?

ТИМ. Да нет вроде...

ЛЕБЕДЕВ. Присутствует, присутствует... И коварство имеется. *(Шутит.)* Так что если раздумаешь жениться — пойму!

ТИМ *(качает головой)*. Не-е-ет! Не раздумаю. Ни за что!

ЛЕБЕДЕВ. Смотри! На меня тогда, чур, не обижаться. *(Проставляет бинокль.)* А вот эта девочка, чувствую, прелесть! Откуда она только взялась такая? Ещё вчера ведь не было!

ТИМ. Пойду постучусь.

ЛЕБЕДЕВ. Похоже, я в неё даже влюбляюсь. *(Удивлённо, оглядываясь на ТИМА.)* Ты слышал, что я сказал?

ТИМ *(от двери)*. Когда?

ЛЕБЕДЕВ. Только что. Слышал?

ТИМ. Насчёт влюбляюсь, что ли?

ЛЕБЕДЕВ. Это я сказал, Тим! Ты понимаешь? Я! *(Удивлённо, но и уверенно.)* Я влюбился, Тим. Влюбился!

ТИМ. Быстро у вас.

ЛЕБЕДЕВ. Что значит быстро?

ТИМ. Только что было «влюбляюсь» и уже — «влюбился»!

ЛЕБЕДЕВ. Так оно и есть, Тим — влюбился! А что такого? Любовь, как молния, бьёт в лёт — не увернёшься. *(Уверенно.)* Влюбился!

ТИМ. В булочницу?

ЛЕБЕДЕВ. В булочницу!

ТИМ. Ну вы даёте! *(Идёт к ЛЕБЕДЕВУ, тянется к биноклю.)* В какой, говорите, она палатке?..

ЛЕБЕДЕВ. Посмотреть хочешь? Смотри! *(Отдаёт бинокль.)* Ничего особенного, да? А я влюбился. Можешь себе представить? Влюбился!

ТИМ *(смотрит в бинокль)*. Зелёная, да?

ЛЕБЕДЕВ. Зелёная! Видишь, с краю?

ТИМ. Сейчас...

ЛЕБЕДЕВ. Правее бери! *(Возмущённо.)* Как же ты булку дарить собирался? Кому?

ТИМ. Она же... пацанка. *(Опускает бинокль, поворачивается к ЛЕБЕДЕВУ.)* Молодая совсем!

ЛЕБЕДЕВ. Да девочка, Тим, совсем девочка! Юна так, что мороз по коже.

Встаёт с кресла и начинает вышагивать по комнате как совершенно здоровый и энергичный человек. Отбирает у ТИМА бинокль, смотрит.

ЛЕБЕДЕВ. Влюбился! Точно! *(Отдаёт бинокль ТИМУ.)* И что теперь делать будем?

ТИМ. Что делать?

ЛЕБЕДЕВ. Вот и я не знаю! Булочки дарить? *(Смеётся, вышагивает по комнате.)*
Что скажешь?

ТИМ. Вы ходите... сами...

ЛЕБЕДЕВ. Да? А я и не заметил. Действительно — хожу! Любовь меня поставила на ноги, Тим! *(Притоптывает.)* Что скажешь? Да здравствует любовь, а?

ТИМ. Да здравствует.

ЛЕБЕДЕВ. Но это же невероятно. Тим! Это невероятно! Я же только что умирал, ты видел... А сейчас, чувствую себя как... Отлично чувствую! Ничего не болит, нигде не колет... Я здоров... Здоров!

ТИМ. Вы особенно, это, не прыгайте.

ЛЕБЕДЕВ. Так прыгается, Тим, без моего ведома прыгается! *(Подпрыгивает.)* Опля! Опля! Видал? И знаешь, кто в этом виноват? Она, Тим! Булочница!

ТИМ. Молодая совсем.

ЛЕБЕДЕВ. Страшно молодая, страшно! Меня даже знобит от её молодости. Но ведь я, Тим, ничего от неё не хочу. Мне достаточно её просто видеть. Я буду сидеть вот тут и смотреть на неё. *(Садится в кресло.)* Вот так!

ТИМ. Долго?

ЛЕБЕДЕВ. Не знаю! Всю оставшуюся жизнь.

ГОЛОС ЮЛИ. Тимофе-е-ей?!

ТИМ *(вскидываясь)*. О!

ГОЛОС ЮЛИ. Тим!

ТИМ *(взмаливается)*. Станислав Петрович! Зовёт!..

ЛЕБЕДЕВ. Шагай, шагай! Но, представляешь, Тим, ещё каких-то пять минут назад ничего этого не было. А знаешь, чего не было? Любви не было, Тим, здоровья, счастья... ничего!

ТИМ направляется к выходу, но ЛЕБЕДЕВ соскакивает с кресла и останавливает его.

ЛЕБЕДЕВ. Со мной такое впервые, Тим... Страшно признаться, но это моя первая любовь!

ГОЛОС ЮЛИ. Ты слышишь меня, Тим?

ЛЕБЕДЕВ *(цепляясь за ТИМА)*. Первая, Тим! И последняя!

ЮЛЯ. Ти-и-им!..

ТИМ. Бегу, Юленька, бегу!

Вырывается от ЛЕБЕДЕВА и убегает.

ЛЕБЕДЕВ. Но это же невероятно?! *(Ощупывает себя, делает несколько гимнастических упражнений, спохватывается.)* Во-первых, нужно срочно померить давление! *(Находит прибор, начинает лихорадочно возиться с ним и отшвыривает.)* Да к чёрту! Давление в норме! Я здоров! Здоров как, как... *(Не находит сравнения и потрясает руками.)* Где он, рычаг Архимеда! *(Опускает руки.)* Но это же фантастика? Я жив, я не уми-

раю... И люблю! *(Ходит.)* Господи! *(Берёт с прикроватной тумбочки образок, держит перед собой).* Неужели это Ты?.. Но я же в Тебя не верю... Как должно не верю! В церковь не хожу, грешу... И образок-то поставил по отчаянью, на всякий пожарный! *(Ходит, оттаптывается.)* А душа-то поёт. Поёт! Теперь я понимаю, что это значит. И как это точно — поёт! *(Смотрит в образок.)* Если это от Тебя, если это дар Твой, то... *(Признаётся.)* Не знаю, что сделаю, не знаю! Знаю только одно — хорошо так никогда ещё не было! Никогда!

Целует и ставит образок на место, снова подходит к окну, смотрит в него без бинокля, а потом распахивает створку.

С полотенечным тюрбаном на голове, закутанная в банный халат появляется ЮЛЯ.

ЮЛЯ. Ну конечно! Я вся распаренная, а пан профессор — окна нараспашку! Закрывайте, закрывайте немедленно!

ЛЕБЕДЕВ послушно закрывает окно.

ЮЛЯ. Что это вас так разжарило? Бабья осень, что ли, в голову шибанула, или что? Говорят ещё, вас на булочки какие-то там потянуло... с вашим-то животиком. Что молчите?

ЛЕБЕДЕВ. Не знаю, что и сказать.

ЮЛЯ. Так потянуло или нет?

ЛЕБЕДЕВ. Потянуло, Юлька. Потянуло!

ЮЛЯ. И абсолютно зря. Забыли, что доктор предписал? Никаких волнений. Так что не взбрыкивайте понапрасну — старому мерину это не к лицу.

ЛЕБЕДЕВ. Я не мерин.

ЮЛЯ. Мерин, мерин! Нам-то уж это известно.

ЛЕБЕДЕВ. Ничего тебе неизвестно! И смени тон — не мальчик!

ЮЛЯ. Об чём и речь! Давно уж не мальчик, а пожилой инвалид... если вам старый мерин не нравится.

ЛЕБЕДЕВ. Юлька!..

ЮЛЯ. Видите, уже и голос на няньку повышаете. А это уже, пардон — грубый вульгарис!

ЛЕБЕДЕВ. Не зли меня! По добру прошу!

ЮЛЯ. Да кто же вас злит-то, пан Станіслав?

ТИМ *(входя)*. Пора лекарство принимать, пан... Станислав Петрович...

ЛЕБЕДЕВ. К чёртям лекарство! Что ты ей наплёл?

ТИМ. Я не наплёл! Сказал просто, и всё.

ЛЕБЕДЕВ. Что сказал?

ТИМ. Ну что вы того... на булочницу глаз положили.

ЛЕБЕДЕВ. Я не положил! Глаз!

ТИМ. Ну запали.

ЛЕБЕДЕВ. И не запал! *(Отчаянно.)* Я влюбился!

По привычке хватается за сердце.

ЮЛЯ и ТИМ. Кольнуло?

ЛЕБЕДЕВ. Нет! *(Разводит руками.)* Не кольнуло!

ЮЛЯ. Значит, кольнёт. Так кольнёт, что мало не покажется.

ЛЕБЕДЕВ *(ТИМУ)*. Уведи её отсюда. Прошу!

ЮЛЯ. И не мечтайте! Пока лекарство не примите... *(Берёт у ТИМА лекарство, идёт к ЛЕБЕДЕВУ.)* Ну-ка, открывайте ротик, херр профессор...

ЛЕБЕДЕВ *(отворачиваясь)*. Не хочу! И не смей меня называть... так...

ЮЛЯ. Как? Херром?

ЛЕБЕДЕВ. И вообще: я чувствую себя абсолютно здоровым, абсолютно!

ЮЛЯ. Да кто вам это сказал? Вы себя самого сегодня видели? *(Подводит ЛЕБЕДЕВА к зеркалу.)* Ну? И где тут у нас абсолютно здоровый?

ЛЕБЕДЕВ. Оставь меня! *(У него срывается голос.)* Я ещё болен, но я уже здоров!

Отходит от зеркала.

ЮЛЯ *(ТИМУ)*. Надо немедленно звонить врачу. Это нервный криз перед надвигающимся очередным ударом — я читала.

ЛЕБЕДЕВ *(отчаянно)*. Я здоров!

ЮЛЯ. Пусть немедленно приезжает. *(Направляется к телефону.)* Немедленно!

ЛЕБЕДЕВ. Ах, так! Не веришь? Ну, смотри же!

Подхватывает вскрикнувшую ЮЛЮ на руки и вместе с ней оседает на пол.

ЮЛЯ. Ничего себе!.. *(Пытается подняться.)* Вы ещё живы там?..

ТИМ *(помогая ЮЛЕ встать)*. Станислав Петрович, вы как?

ЛЕБЕДЕВ. Нормально. *(Смеётся.)* Просто равновесие не удержал!

ЮЛЯ. Похоже, к инфаркту прибавилось ещё и слабоумие. У вас это считается нормальным?

ЛЕБЕДЕВ. Но я же тебя поднял, поднял!

ЮЛЯ. Совсем рехнулись? Вы меня уронили! На пол!

ЛЕБЕДЕВ. Но сначала-то?.. Сначала-то ведь поднял! Тим, скажи!

ТИМ. Давайте лучше встать, Станислав Петрович...

Хочет помочь.

ЛЕБЕДЕВ. Я сам! *(Довольно ловко встаёт на ноги.)* Ну что?

ЮЛЯ. Что?

ЛЕБЕДЕВ. Скажешь, не здоров?

ЮЛЯ. Конечно! Я же, в отличие от вас, ещё не спятила.

ЛЕБЕДЕВ. А я спятил! И очень хорошо! И чувствую себя прекрасно, отлично чувствую! И потому прошу оставить меня в покое. Всё! Кончилось ваше опекунство!

ЮЛЯ. Ах, вон оно что! Так бы и сказали сразу.

ЛЕБЕДЕВ. Вот я и говорю: оставьте меня в покое!

ЮЛЯ. Квартиры стало жалко — понятно.

ЛЕБЕДЕВ. Причём тут квартира?

ЮЛЯ. Сразу любовь какую-то выдумали.

ЛЕБЕДЕВ. Да причём тут?.. Я просто по-хорошему прошу оставить меня в покое. По-хорошему! Чтоб отдохнуть!

ЮЛЯ. Мы вас оставим, оставим...

Идёт к дверям, ТИМ — за ней.

ЛЕБЕДЕВ (*растерянно*). По-хорошему же?!

ЮЛЯ. Не надолго же вас хватило, благородного.

ЛЕБЕДЕВ. Да причём тут?..

ЮЛЯ (*оборачивается*). Уличную тварь какую-то приплели. Ну и ну!

Качая головой, уходит.

ЛЕБЕДЕВ. Немедленно вернись. Стой, я сказал!

ЮЛЯ (*в двери*). Ну что ещё вам?

ЛЕБЕДЕВ. Если ты ещё хоть раз позволишь себе!..

ЮЛЯ (*перебивая*). Испугали! Да плевать я хотела на вас и на вашу квартиру! Отдыхайте здесь!.. В одиночку!

Уходит.

ТИМ — за ней.

ЛЕБЕДЕВ (*отчаянно*). Тим?!

ТИМ возвращается.

ЛЕБЕДЕВ. Почему она так себя ведёт, Тим? Что я ей сделал?

ТИМ (*угрюмо*). Вы, наверное, лучше её знаете.

ЛЕБЕДЕВ. Кто она такая? Приехала, подселась!..

ТИМ. Ухаживала за вами.

ЛЕБЕДЕВ. Ухаживала! Разве я отрицаю? Но какое она имеет право оскорблять? Она ведь даже не видела её! Эту девушку.

ГОЛОС ЮЛИ. Ошибаетесь! Таких девушек сейчас под каждым фонарём по паре!

ЛЕБЕДЕВ. Не смей, я сказал!..

ЮЛЯ (*появляясь*). А что, не правда, что ли? На рыночное место просто так тоже не ставят. Хоть у Тима спросите. Тим, скажи?!

ТИМ. Чего говорить-то?

ЮЛЯ. Вот именно! И так всё понятно.

ЛЕБЕДЕВ (*пытаясь овладеть собой*). Ну что тебе, глупенькой, понятно, что?

ЮЛЯ. Что вы, например, беситесь как ненормальный!

ЛЕБЕДЕВ. Как же я могу не беситься, если ты так о ней отзываешься?

ЮЛЯ. Ну беситесь, беситесь. Я подожду.

ЛЕБЕДЕВ. Чего подождёшь? Моей смерти?

ЮЛЯ. Что мне ваша смерть без прописки?

ЛЕБЕДЕВ. Да пропишу я тебя, гадину, пропишу!

ЮЛЯ. Спасибо, Станислав Петрович. И в особенности — за гадину. Ты, Тим, кстати, тоже не забудь поблагодарить, всё-таки муж будущий... гадины.

Уходит.

ЛЕБЕДЕВ (*в отчаянии*). Ну, зачем она так, Тим? Зачем?!

ТИМ (*опускает голову*). Теперь весь день плакать будет.

ЛЕБЕДЕВ (*в сердцах*). Ну, не сдержался! (*Идёт из комнаты.*) А как сдержаться? И потом, я же не в том смысле, я же дружески! По-хорошему же!

Уходит.

ТИМ. Ещё раз гадиной обзовёт — убью!

Уходит следом.

Почти сразу же возвращается ЛЕБЕДЕВ.

ЛЕБЕДЕВ. Ну не могу я так, не могу! Почему я должен всё это слушать? Какие-то огульные обвинения, оскорбления! Нам же абсолютно ничего неизвестно, абсолютно! (*Берёт бинокль, смотрит.*) Ну, рынок, да! Место грязное. Но внешне она выглядит вполне прилично. Молода, конечно... Чересчур... чертовски!.. И миниатюрна как, изящна! Жалко, не видно глаз... Но так хотелось бы, чтобы карие... (*Опускает бинокль.*) Почему вдруг карие? Глупость лезет всякая-то в голову, чушь! Но как приятно, однако, волнительно как, сладко!..

Входит ТИМ.

ЛЕБЕДЕВ. Ну? Успокоилась?

ТИМ. Нервная она очень.

ЛЕБЕДЕВ. Мы все нервные! Я вот тоже вспылал, погорячился... Но так ведь нельзя! Ведь ничего дурного не произошло. Наоборот! Я же выздоровел, поправился! Разве это плохо?

ТИМ. Хорошо.

ЛЕБЕДЕВ. Хорошо! Не просто хорошо, Тимчик, а чуду подобно! Я сам не верю. И даже не могу объяснить, как и почему? (*Понизив голос.*) Даже образ поцеловал.

ТИМ. Какой образ?

ЛЕБЕДЕВ. Христа... (*Показывает.*) На тумбочке...

ТИМ. А-а.

ЛЕБЕДЕВ. Я же умирал!.. И вдруг... девочка эта... в палатке... Ты же видишь — я ожил!

ТИМ. Вы думаете, это Христос палатку поставил, не Анвар?

ЛЕБЕДЕВ. Что за Анвар?

ТИМ. Хотя он хлебом вроде бы не занимается. Да всё равно — его место!

ЛЕБЕДЕВ. Что за Анвар?!

ТИМ. Рынок он держит. Всё его тут. Вся площадь. (*Подходит к окну.*) Мы с Юлей тоже маракуем пару контейнеро́в взять. А что? Подниматься как-то надо.

ЛЕБЕДЕВ. Вам работать надо! Ты же — инженер!

ТИМ. Какой я инженер? По диплому только.

ЛЕБЕДЕВ. Всю страну в базар превратили. Все торгуют! И стар и млад. Ну разве ей (*показывает в окно*) место в палатке? В этой криминальной среде? Среди анваров? Она же ещё ребёнок!

ТИМ. Пацанка ещё.

ЛЕБЕДЕВ. Прошу тебя: без этих выражений! Ну почему обязательно пацанка? Разве трудно сказать девочка? Девушка?

ТИМ. Да нет, не трудно, вообще-то.

ЛЕБЕДЕВ. Вот и говори! Запомни, Тим: нужно всегда стремиться к хорошему. Следить за собой, за речью, манерами. Ты же, в сущности, техническая интеллигенция, а разговариваешь словно блатняк!

ТИМ. Сейчас все так реально разговаривают.

ЛЕБЕДЕВ. Ну и что хорошего? Да и не идёт это к ней! Ну какая она пацанка? Посмотри, как головку держит. По балетному! И руками не размахивает и движется славно. Прямо-таки природная статья. Не находишь?

ТИМ. Нормальная коса. *(Поправляется.)* Девушка, то есть.

ЛЕБЕДЕВ. Чудо просто! Нет, что бы ты там не говорил, это мне Бог её послал, не иначе. Не знаю уж за какие такие заслуги, но... факт налицо — я ожил!

ТИМ. А может, это лекарство подействовало? Которое Юлька достала.

ЛЕБЕДЕВ. Может быть, всё может быть! Но любовь, Тим, она ведь не от лекарства. А я переполнен именно любовью. Я люблю, Тим!

ТИМ. Поаккуратнее всё-таки... А то как бы хуже не стало.

ЛЕБЕДЕВ. Не бойсь, Тимчик, не бойсь! Ты, верно, предполагаешь, что я сломя голову брошусь к ней, к этой девочке? Не-е-т!

У входа незаметно для мужчин появляется ЮЛЯ, слушает.

ЛЕБЕДЕВ. Я теперь буду умнее. Я, Тимчик, если хочешь знать, этим даром делиться ни с кем не намерен. Я его, наоборот, оберегать буду. Ото всех! Хранить как зеницу ока! И, прежде всего — от неё самой! *(Увлечённо.)* Понимаешь, Тим, в моей жизни всё уже, так или иначе, но было. Страсть, чувства, романы, игры, если не сказать, игрища. Всё было! Кроме любви! Я это теперь точно знаю. Потому что я, Тим, словно бы всю жизнь был слеп, а теперь вдруг прозрел, причём — в невиданном по красоте и благоуханию саду! Вот моё сейчастное состояние, мои подлинные чувства! И, хотя голова моя кружится, и в силу этого я могу не вполне адекватно оценивать окружающую реальность, я всё же отдаю себе реальный отчёт в том, что стоит в этот сад кого-нибудь впустить, и всё рухнет. Божественные ароматы пропадут, красоты померкнут, и дивный сад, Тим, превратится в какую-нибудь унылую мерзопакостную пошлость... что, впрочем, уже и происходит на твоём и Юлькином примерах... Что вам моя любовь, когда вы тупо рвётесь к своей женьтибе?

ТИМ. Мы не рвёмся... тупо.

ЛЕБЕДЕВ. Рвётесь, Тим, рвётесь! Но дело даже не в этом. Дело в том, что я очень хорошо понимаю, что любовь эта — моя, и что её никто и никогда со мной не разделит. И, прежде всего *(показывает на окно)*, — она! Эта прекрасная юная булочница! Пацанка, как ты её называешь!

ТИМ. Что же вы тогда к ней рвётесь?

ЛЕБЕДЕВ. А я и не рвусь! Я же сказал... И не собираюсь рваться. Это вам надо спинки друг дружке тереть, а я, Тим, просто буду любить — и всё!

ТИМ. Булочницу? Или свою любовь?

ЛЕБЕДЕВ. Хороший вопрос! Молодец, Тим, зришь в самый корень.

ТИМ. Вам же захочется, наверное, узнать её поближе, познакомиться?

ЛЕБЕДЕВ. Захочется! Непременно захочется. И уже хочется! Но я буду всеми силами препятствовать этому соблазну. Ну, давай мыслить логически: зачем мне врываться в её жизнь? Чтобы перетащить в свою? Но это же будет типичный «Пигмалион»! Причём в заведомо худшей редакции. Нет, Тимчик, мы пойдём другим путём. Ты правильно сказал: я буду любить её, свою любовь, и этого мне будет вполне достаточно! Именно: я буду глубоко счастлив своей любовью, своей! Понятно? Своей!

ТИМ. Ага.

ЛЕБЕДЕВ. Ничего тебе не «ага»! Пойми! Сближение — это смерть! Любовь погибает в объятиях! А секс — ваш хваленный секс! — это агония любви, её эрзац-заменитель и убийца!

ТИМ. Без секса ведь тоже нельзя, верно?

ЛЕБЕДЕВ. А вот и можно, Тимчик, можно! Да ещё как!

ТИМ. Ну, может, и можно, конечно... Неинтересно только.

ЛЕБЕДЕВ. Если нет любви! А когда наличествует любовь... она заполняет всё пространство, и ничего другого уже не требуется! Вот ты любил — разве думал о сексе?

ТИМ. Какой! Я вообще притронуться боялся, думал, обидится!

ЛЕБЕДЕВ. Видишь!

ТИМ. Но теперь-то, ну, после этого самого, я её, наверное, ещё больше люблю. Точно больше!

ЛЕБЕДЕВ. Не любишь, Тимчик! Находишь в известной близости известное удовольствие и ещё, пожалуй, долго будешь находить, но уже не любишь. Поверь мне, профессору, кстати сказать, и в этом деле тоже: в сексе любви нет!

ТИМ. Не... люблю!

ЛЕБЕДЕВ. А я говорю, не любишь! Тебе кажется, что любишь, потому что молод, и многое тебе ещё в удовольствии. А на самом деле — уже не любишь!

ТИМ. Люблю! Люблю, Станислав Петрович, не обижайтесь!

ЛЕБЕДЕВ. Вот упрямец! Ну хорошо — люби! Но когда-нибудь ты обязательно поймашь себя на мысли, что должен заниматься любовью в какой-то там тысячный раз. Заметь, Тим — не любить, а заниматься! Улавливаешь разницу?

ТИМ. Да честно сказать (*чешет затылок*)... не очень...

ЛЕБЕДЕВ. Любить в тысячный раз невозможно, а заниматься любовью... Впрочем, я не против секса. И не подумай, что сам не могу... Могу! Я чувствую. Даже очень. Но с этой девушкой мне этого не нужно. Совсем!

ТИМ. А ей?

ЛЕБЕДЕВ. И ей не нужно! Во всяком случае, от меня. Она ведь даже не подозревает о моём существовании. Следовательно, ничего от меня не ждёт. А раз так, то и моему чувству к ней ничего не угрожает. Я буду любить один! На расстоянии!

ТИМ. Через бинокль.

ЛЕБЕДЕВ. Через бинокль! А что? По крайней мере — оригинально!

ТИМ. А булку дарить? Через меня?

ЛЕБЕДЕВ. Отставить булку! Примем как аксиому: любое сближение — смерть! Во всяком случае — для меня. Ну, посуди сам, ну, решусь я объявить ей о своём чувстве? И что же выйдет? Да я просто напугаю её. Покажусь либо сумасшедшим, либо извращенцем. А если даже и сумею склонить её принять моё чувство, как вполне естественное и нормальное, что, впрочем, так и есть, то, что же прикажешь ей с ним делать? Как отвечать? Любовью на любовь? Но в необходимой полноте и искренности это, безусловно, невозможно. Она ведь никогда не сможет полюбить меня просто так, как люблю её я. Просто так, Тимчик, не за что!

ТИМ. Вообще-то пацанки на солидняков западают. (*Спохватывается.*) Извиняюсь...

ЛЕБЕДЕВ. Что ты хочешь этим сказать — западают?

ТИМ. Ну, то есть, если вы подгрёбёте к ней, ну, как профессор и всё такое... мозги заколбасить, думаю, сможете.

ЛЕБЕДЕВ. Не хочу я ничего заколбасивать! Фу ты чёрт! Я же тебя просил не выражаться?

ТИМ. Сразу же не исправишься, правда?

ЛЕБЕДЕВ. Главное, я от тебя заражаюсь! Уже одно дурацкое слово твоё подцепил.

ТИМ. Какое?

ЛЕБЕДЕВ. «Прикупил». Это ведь твое выражение!

ТИМ. Моё? А я думал — ваше.

ЛЕБЕДЕВ. Да откуда же моё? Я так никогда в жизни не выражался!

ТИМ. Вообще-то, я от вас тоже много кой чего поднабрался.

ЛЕБЕДЕВ. Чего это ты от меня поднабрался?

ТИМ. Культуры... Нет, правда, сам замечаю, культурнее стал!

ЛЕБЕДЕВ *(смеясь)*. Ну, Тимчик, ты даёшь!

ТИМ. Хотя б повеселил вас немного.

ЛЕБЕДЕВ. Спасибо. Благо, мне сейчас и без того весело и отратно, ибо я, Тимчик, впервые в своей жизни переживаю, наверно, самое банальное на земле чувство — любовь! Знаешь, оказывается, это всё правда, — поэты не обманули, — и душа поёт, и крылья вырастают. Это, Тимчик, отнюдь не метафоры, отнюдь!

ТИМ. Так бы и полетели из окошка, да?

ЛЕБЕДЕВ. Полетел бы, Тимчик, ох, полетел бы!

ТИМ. Подлетели бы к палатке, булку схватили бы. Она: «стой! куды! кыш!», а вы бы стрелой в небо, а оттуда — бац камнем к её ногам, и с букетом роз — «нате, мол, это вам вместо булки!».

ЛЕБЕДЕВ. Откуда же розы взялись бы?

ТИМ. А это... Прикупили бы! *(Смеётся.)* По дороге!

ЛЕБЕДЕВ. Да ты, брат, оказывается, сочинитель!

На этих словах ЮЛЯ уходит.

ТИМ *(авторитетно)*. А насчёт секса, вы зря — не помешает. *(Прислушивается.)* Дверь, что ли, стукнула? *(Выходит, возвращается.)* Юлька ушла.

ЛЕБЕДЕВ. Куда ушла?

ТИМ. Не сказала!

ЛЕБЕДЕВ. Куда это она?..

Вооружается биноклем и занимает позицию у окна.

ТИМ. Хотя бы сказала что!

ЛЕБЕДЕВ. От неё дождёшься. Уж если закусил удила... Ага, вышла!

ТИМ *(подходит к окну)*. На рынок двинула. *(Через паузу.)* К палатке вашей прямиком чешет.

ЛЕБЕДЕВ. Она с ума сошла? Она что себе позволяет, а?

Возмущёно поворачивается к ТИМУ.

ТИМ. Вообще-то в доме хлеба ни куска. Ну и посмотреть, наверно, захотелось.

ЛЕБЕДЕВ. Мало ли что захотелось! *(ТИМУ.)* Если ляпнет что-нибудь!..

ТИМ. А я-то причём? Она сама инициативу проявляет.

ЛЕБЕДЕВ. Прямо вспотел весь от её инициативы. *(Вытирает лоб.)* Мокрый!

ТИМ. Вы тепло одеты. Снимите кофту.

ЛЕБЕДЕВ. Тише! Говорит! Говорят! Разговаривают!

ТИМ. Ещё и закорешатся. Юлька, когда захочет, контакт запросто наладить может.

ЛЕБЕДЕВ. Улыбаются! Смеются!

ТИМ. А я что говорю? Законтачила! И хлеб покупает. Вот молодца!

ЛЕБЕДЕВ. На нас показывает! (*Отступает от окна.*) Зачем она показывает? Что говорит? А?

ТИМ. Жалко, что вы в КГБ не выступали. Могли бы вам там подслушивающее устройство подарить. На расстоянии которое...

ЛЕБЕДЕВ. Во-первых, в КГБ я выступал и неоднократно, а во-вторых, я, Тим, серьёзно предупреждаю: пусть она со мной не шутит! Могу обидеться и очень крепко.

ТИМ. А я что? Если она даже вас не слушает!

ЛЕБЕДЕВ. Послушает! (*Отступает от окна.*) Опять показывает! Что она вытворяет, а?

ТИМ. Про вас, наверное, рассказывает.

ЛЕБЕДЕВ. Что рассказывает?! Разве я просил? Уполномочивал?

ТИМ. Ну... Может, она ничего плохого и не рассказывает.

ЛЕБЕДЕВ. Вот я задам ей «ничего плохого»! Пусть только вернётся. Разве так можно? На каком основании?..

ТИМ. Не знаю... Может, ревнует... немного... и вообще...

ЛЕБЕДЕВ. Да какое она право имеет ревновать? Она мне — кто?

ТИМ. Ну... жила же здесь... с вами...

ЛЕБЕДЕВ. Жила! А её приглашали? Приехала, понимаешь, подселилась!..

ТИМ. Ухаживала.

ЛЕБЕДЕВ. Заладил! Ну, ухаживала, не отрицаю! Это что, даёт ей право так себя вести? Нянька, понимаешь ли! Да она всех моих знакомых разогнала! За мной разве некому поухаживать было? Всех отвадила, подчистую!

ТИМ. Знакомые сами разбежались. В смысле, когда инфаркт вас хватил, не больно-то много осталось... Считай, она да я... ну, ещё доктор, конечно... Больных никто не любит.

ЛЕБЕДЕВ. Но я же благодарен вам! Разве не говорю? Благодарен! Искренне!

ТИМ. Мне-то что? Наоборот даже, повезло... В смысле — сблизилась мы во время болезни вашей... Я имею в виду с Юлей. А она...

Явно не договорив, замолкает.

ЛЕБЕДЕВ. Что она? Договаривай, договаривай!

ТИМ. Она, кажись, от вас чего-то большего ждала.

ЛЕБЕДЕВ. Чего большего? Ты про что?

ТИМ. Ну, я не знаю там! Какие у вас отношения были... до болезни.

Ему очень неловко говорить об этом и в тоже время хочется в чём-то убедить-ся.

ЛЕБЕДЕВ. Какие ещё отношения? Нормальные! Какие же ещё?

ТИМ. Да я-то ничего, понимаю... Тем более у нас всё крепко вроде... Вот ещё контейнера́ возьмём...

ЛЕБЕДЕВ. Подожди с контейнерами... Я же поправился. Мы теперь такое, брат, закрутим!..

ТИМ. Только в политику больше не лезьте.

ЛЕБЕДЕВ. А что так?

ТИМ. Волки там. Новой породы, не вашей.

ЛЕБЕДЕВ (*растерянно*). Да-а?

ТИМ. И второй инфаркт нам не нужен. Правда?

ЛЕБЕДЕВ. Не нужен! Это ты, Тимчик, абсолютно верно говоришь. Не нужен! Не поверишь, как хорошо быть здоровым!

ТИМ. Ещё бы!.. О, прощаются, кажись... Точно! Уходит! Домой идёт. Весёлая вроде, улыбается...

ЛЕБЕДЕВ. Она улыбается, а мы тут с ума сходим! Вот о чём они говорили, о чём?

ТИМ. Сейчас расскажет, наверное...

ЛЕБЕДЕВ. Вот именно — наверное! А может и заартачиться! Тим! Тимчик! Я тебя как друга... Любую информацию, любую!..

ТИМ. Да не переживайте вы! Что ж я, не понимаю, что ли?

ЛЕБЕДЕВ. Будь на моей стороне! Как мужчина с женщиной...

ТИМ. Без вопросов, Станислав Петрович. А теперь утихли пока — сейчас войдёт!

Хлопает дверь.

Тянется время, а в комнату никто не заходит.

ЛЕБЕДЕВ (*взмаливается шёпотом*). Тим!..

ТИМ делает успокоительный жест и отправляется на разведку.

ЛЕБЕДЕВ (*обращается к образу на тумбочке*). Господи, помоги мне, Господи!

Входит ЮЛЯ, за ней — ТИМ.

ЮЛЯ. Звали?

ЛЕБЕДЕВ. Я?! Нет! (*Не выдержав.*) О чём вы с ней говорили?

ЮЛЯ. Это допрос?

ЛЕБЕДЕВ. Ну какой допрос! Интересно же! Юленька! Ну ,пожалуйста! Не томи! Прошу!..

ЮЛЯ. О чём же нам говорить? Естественно — о вас.

ЛЕБЕДЕВ. Обо мне?!

ЮЛЯ. Я предупредила, что из окна этого дома за ней следит старое развратное чудовище, готовое сожрать её... заживо.

ЛЕБЕДЕВ меняется в лице.

ТИМ. Она шутит, Станислав Петрович, шутит!

ЮЛЯ. Как честный человек я должна была это сделать. Ведь вы — чудовище, Станислав Петрович, разве не так?

ЛЕБЕДЕВ (*растеряно*). Почему же я чудовище? Ты что?

ЮЛЯ. А кто же вы? Чудовище и есть.

ТИМ. Да ладно стращать-то... Мы же видели — шутили сами, смеялись!..

ЮЛЯ (*глядя на ЛЕБЕДЕВА*). А он — смешное чудовище. Очень смешное!

Идёт к двери.

ЛЕБЕДЕВ. Один вопрос...

ЮЛЯ останавливается, оборачивается.

ЛЕБЕДЕВ. Как её зовут? Имя?..

ЮЛЯ. Имя у неё обыкновенное... Любовь.

ЛЕБЕДЕВ. Любовь? (*Поворачивается к ТИМУ.*) Это судьба, Тим... Судьба!

Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

День. Комната ЛЕБЕДЕВА. За спальней шторой занимаются сексом. Наконец всё стихает. Спустя минуту раздаётся...

ГОЛОС ТИМА. Вставать надо.

ГОЛОС ЮЛИ. Не надо.

ГОЛОС ТИМА. Хочешь, чтоб нас тут застукали?

ГОЛОС ЮЛИ. Я помолчать хочу. Просто полежать и помолчать.

ГОЛОС ТИМА. Понятно. *(Спустя мгновение.)* А вставать всё-таки надо.

Раздвигает штору, за которой они оба, полураздетые, лежат поверх покрывала.

ЮЛЯ *(закрывает рукой глаза)*. Не хочу света! Хочу вечной, мудрой ночи!

ТИМ *(садится)*. Как в могиле, что ль?

ЮЛЯ *(не сразу)*. Почему ты такой тёмный, Тим?

ТИМ. Почему тёмный?

ЮЛЯ. Не знаю. Но ты ужасно тёмный, ужасно!

ТИМ. Зато вы светлые.

ЮЛЯ. Кто это вы?

ТИМ *(вместо ответа)*. Тебе, я смотрю, нравится тут...

ЮЛЯ. А тебе? Не нравится?

ТИМ. Мне с тобой везде нравится, только...

ЮЛЯ. Что только?

ТИМ. Да ладно, проехали!..

ЮЛЯ. Ревнует Тимчик, ревнует! *(Вытягивает и кладёт на него ногу.)* Тёмненький наш!

ТИМ *(глухо, исподлобья)*. Закройся лучше.

ЮЛЯ *(кокетливо)*. А то что?

ТИМ. Наброшусь.

ЮЛЯ. Неужели? *(Подвигается к нему.)* Ну давай. *(Азартно.)* Давай!

ТИМ *(припадает к ЮЛЕ)*. Я больной, наверное — всё время тебя хочу!

ЮЛЯ. Я тоже хочу. *(Обнимает ТИМА.)* Замуж!

ТИМ *(растроганно)*. Недолго уже. Две недели осталось. Даже меньше.

ЮЛЯ. Я не за тебя хочу.

ТИМ. Не за меня?!

Отстраняется.

ЮЛЯ. За пана Станіслава.

ТИМ в шоке.

ЮЛЯ. Фиктивно, разумеется.

ТИМ молчит.

ЮЛЯ. Ради квартиры.

ТИМ. Ага.

ЮЛЯ. Что ага? Для нас это единственный выход, Тимчик. Единственный!

ТИМ *(тихо, как бы про себя)*. Для меня это выход.

ЮЛЯ. В каком смысле?

ТИМ *(глухо)*. Если не нужен стал, так и скажи.

ЮЛЯ. Ну что ты, Тимчик, как же это ты и не нужен? *(Ласкается.)* Такой хороший мальчик! Без тебя он на мне не женится.

ТИМ. Он и со мной не женится.

ЮЛЯ. А куда ж ему деваться? Навалимся на него, как следует, надавим...

ТИМ. Дави, не дави... *(Освобождается, встаёт.)* Захотел бы, и раньше и мог. И не фиктивно.

ЮЛЯ *(примирительно)*. Дурачок! Мы же — родственники.

ТИМ. Ага! Очень близкие.

ЮЛЯ. Не хаами, Тимчик. И, вообще, давай без эмоций, по-деловому.

ТИМ. Не хочу я по-деловому! И, вообще, никак не хочу!

ЮЛЯ. Думаешь, я хочу? Думаешь, мне приятно?

ТИМ. Как это, поговорка?.. *(Вспомнил.)* Не мытьём, так катаньем, да? Точно!..

ЮЛЯ. Что точно?

ТИМ. Ничего! Опять сюда потянуло, да?

Хлопает рукой по постели.

ЮЛЯ. Заткнись! Я, между прочим, для нас обоих стараюсь.

ТИМ. Для меня не надо!

ЮЛЯ. Очень гордый, да? Шестёрку задрипанную имеешь. На вокзалах бомбишь.

ТИМ. А причём тут это?

ЮЛЯ. А притом, что ты нуль без палочки! Чмо рязанское! *(Передразнивает.)* Для меня не надо! Для меня надо! Я жить хочу, ясно?! И не когда-нибудь, а сейчас, сегодня!

ТИМ. Не живёшь, что ли, сегодня?

ЮЛЯ. Живу! Приживалкой в чужих стенах!

ТИМ. Во-во, говорю же, в профессорши потянуло. Только он тоже не дурак, жениться на тебе.

ЮЛЯ. Фиктивно же, кретин!

ТИМ. Ага! Слыхали мы про это фиктивно.

ЮЛЯ. Да чего вы слыхали? Врубись! С опекуном не вышло, он теперь здоровый... А если вдруг удар, то мы, значит, мимо денег, квартира — государству?

ТИМ. Ну и хрен с ней!

ЮЛЯ. Тебе-то, может, и хрен. А я её, знаешь, сколько ждала, знаешь?

ТИМ. Ну сколько? Меньше года всего.

ЮЛЯ. Какой же ты всё-таки идиот, Тим!

ТИМ *(упрямо)*. Самим подниматься надо.

ЮЛЯ. Да что ты! Может, сообщишь как? Только про контейнерá свои дурацкие не начинай, пожалуйста, очень прошу!

ТИМ. А что контейнерá? Если парочку взять...

ЮЛЯ. Да на площади поставить. Сжался, Тим, — слышать не могу!

ТИМ. Я ж тебя не заставляю — сам крутиться буду.

ЮЛЯ. Вот и крутись! А я с него, с живого, не слезу. Обещал!

ТИМ. Не женится он тебе! По любому не женится!

ЮЛЯ. Тогда под суд пойдёт.

ТИМ (*опешив*). Под какой суд?

ЮЛЯ. Под обыкновенный. Заявлю, что почти год мы жили вместе, как муж и жена. А что? Легко доказать можно, легко. Свидетелей навалом. Никто и не верил, что мы с ним родственники.

ТИМ. С винта поехала?

ЮЛЯ. Ты, кстати, вот свидетелем и пойдёшь. Первым!

ТИМ. Да куда я не пойду! Позориться!

ЮЛЯ. А мне плевать. Хуже всё равно не будет.

ТИМ. Раскинь! Он, того гляди, сам женится!

ЮЛЯ. На булочнице этой? Не смеси!

ТИМ. Чего смешить-то? Он уже из берегов вышел.

ЮЛЯ. Как вышел, так и войдёт. Сорок лет разницы!

ТИМ. А с тобой? Тридцать пять!

ЮЛЯ. Вот именно. На мне пусть и женится... на первой!

ТИМ. Не женится он на тебе! Не женится!

ЮЛЯ. А что ты орёшь-то?

ТИМ. Я не ору.

ЮЛЯ. Орёшь!

ТИМ. Опозоришься только.

ЮЛЯ. Ну и что? Раз не разберёмся по-хорошему, значит, разбежимся по-плохому.

ТИМ. Не унижайся перед ним, прошу!

ЮЛЯ. Глупенький! Я тебе в сотый раз талдычу: этот брак фиктивный, не настоящий. Я же просто шанс использую. Не получится, ну и чёрт с ним! А настоящим мужем ты будешь, Тимчик мой, ненаглядный. Я ведь жена твоя, без всяких расписок жена. Разве нет, не жена?

ТИМ. Жена! (*Обнимает ласкающуюся к нему ЮЛЮ.*) Никому тебя не отдам, никому!

ЮЛЯ. Вот и славненько. Я тоже куда от тебя не денусь. А квартиру эту ведь жалко же терять. Ну, скажи честно, жалко?

ТИМ. Ну, жалко. Допустим.

ЮЛЯ. Вот и я о том же. Она ведь у нас вот где уже была, вот!

Показывает кулак.

ТИМ. Всё булочница виновата. Спасительница! Маленькая, блин, а туда же!

ЮЛЯ. Булочница — ерунда. Навалимся вдвоём, не устоит.

ТИМ. Не скажи. Из-за этой ерунды он уже какой день у палатки её мнётся.

ЮЛЯ. Правда, что ль? (*Подходит к окну.*) Смотри-ка! Точно, мнётся.

ТИМ. А тебе что говорю? (*Подходит к Юле.*) На сближение пошёл.

Заключает ЮЛЮ в объятия.

ЮЛЯ. Дуралей старый. Смотри-ка, и в очередь встал! Идиотина!

ТИМ. Сейчас булку дарить будет.

ЮЛЯ. Ну-ка дай-ка бинокль!

Отстраняет ТИМА, берёт бинокль, смотрит в окно.

ТИМ обнимает сзади.

ЮЛЯ. А я знала, что этим кончится, знала! *(Передразнивает.)* «Сближение — это смерть! Секс убивает любовь!» Трепло несчастное!

ТИМ. Проверить, наверно, решил.

ЮЛЯ. Что проверить?

ТИМ. Ну что, это... секс убивает...

ЮЛЯ. Да какая там проверка? *(Поворачивается к ТИМУ.)* У него таких любовей, знаешь, сколько уже было? Думаешь, он до меня один жил? Как бы не так! Всегда здесь какая-нибудь да ошивалась. Обихаживала его, готовила, убиралась!

ТИМ. Профессор, блин, социализма!

ЮЛЯ. А ты думал! И одна другой моложе.

Опять смотрит в бинокль, и ТИМ опять обнимает её.

ТИМ. Спец! Я ему говорю: «молодая совсем, пацанка!», а он: «у меня от неё мороз по коже!».

ЮЛЯ. Мороз?

ТИМ. Холод, говорит, пробирает. Мурашки!

ЮЛЯ. Главное, она-то девчонка нормальная. Даже мне понравилась. *(Неожиданно.)* Может, хоть ей повезёт?

ТИМ. Как тебе не повезло? *(Отпускает ЮЛЮ.)* Ну, блин, и логика у вас! Он старый весь, обрюзгший, геммороистый, всю дорогу за девочками чешет, — и хороший! А тут, блин, ни одной девочки не испортил!.. За всю жизнь!..

ЮЛЯ. И правильно делал. Зачем портить?

ТИМ. А он? Ему можно, да?

ЮЛЯ. Он не портит.

ТИМ. Да?! А что же он с вами делает?

ЮЛЯ. Облагораживает.

ТИМ. Да?

ЮЛЯ. Да, Тимчик, да!

ТИМ *(не сразу)*. А говоришь.

ЮЛЯ. Что я говорю? Говорю!

ТИМ *(с ненавистью)*. Убил бы вас обоих!

ЮЛЯ. А вот это было бы и впрямь забавно. Смог бы?

ТИМ. Я всё могу!

ЮЛЯ. Ну тогда убивай! Но прежде руку целовать будешь. *(Протягивает руку.)* За свои грязные подозрения. *(Повелительно.)* Целуй! Или не подходи никогда больше.

ТИМ. Нарочно унижаешь? Хочешь, чтоб на коленках перед вами ползал, да?

ЮЛЯ. Если летать не можешь... Ну!

ТИМ. Я ещё выше вас полечу!

Целует руку и отворачивается.

ЮЛЯ. Молодец! Послушный мальчик. И, чтобы к этому разговору больше не возвращаться, запомни: у нас со Станиславом Петровичем никогда и ничего не было. Уяснил?

ТИМ. Уяснил!

ЮЛЯ. Вот так-то лучше.

ТИМ. Не унижайся перед ним. Как человека прошу!

ЮЛЯ. Жизнь — это унижение, Тим. Ты ещё не понял?

ТИМ. Сами проживём... без него... Клянусь! Царицей станешь!

ЮЛЯ. На базарной площади. *(Всплёскивает руками.)* А кровать-то я так и не прибрала! Ещё подумает чего...

Подходит к кровати, начинает убираться.

ТИМ смотрит на неё, а потом обнимает сзади и валит.

ЮЛЯ *(пытаясь вырваться)*. Ты что? С ума сошёл? Он же поднимается уже!

ТИМ. Пусть поднимается!

ЮЛЯ. Ну-ка прекрати! Кому я сказала? Ну?! *(ТИМ отпадает.)* Нашёл время! Ты чего?

ТИМ. Ничего!

ЮЛЯ. Совсем уже? *(Задёргивает штору на алькове, садится в кресло и грозит ТИМУ пальцем.)* Я за него замуж собираюсь, а он...

ТИМ. За кого замуж? За кого?..

ЮЛЯ. Тсс!

Прикладывает к губам палец.

Входит ЛЕБЕДЕВ.

ЮЛЯ. Пан Станіслав! А мы за вами в окошко наблюдали. Что же вы булку-то не подарили? Жалко стало?

ЛЕБЕДЕВ *(потерянно)*. Я для неё — никто. Меня, Юленька, для неё просто-напросто не существует.

ЮЛЯ. Хорошее начало! Это она вам сказала?

ЛЕБЕДЕВ. Она меня даже не заметила. Будто бы я прозрачный. И сквозь меня ей всё интереснее. Всё! Кроме меня самого.

ЮЛЯ. А вы хотели весь белый свет собой затмить?

ЛЕБЕДЕВ. Не в этом дело. Но не до такой же степени. Полнейшее безразличие, полнейшее! Как будто бы меня нет перед ней — прозрачный!

ЮЛЯ. А сдачу она вам дала?

ЛЕБЕДЕВ. Ты смеёшься, а я очень хорошо знаю: когда женщина так безлично смотрит на мужчину, значит, мужчину она перед собой не видит.

ЮЛЯ. Она и не видит. Какой же вы, извините за выражение, мужчина?

ЛЕБЕДЕВ. Да? А кто же я, по-вашему?

ЮЛЯ. Вы? Типичный пенсионер. Причём персонального значения. Так и хочется вам место уступить. Или сразу — целых два!

ЛЕБЕДЕВ. Я так ужасно выгляжу? *(Садится.)* Впрочем, так, наверное, и есть. *(Тяжело вздыхает.)* Даже — не наверное...

ЮЛЯ. Не вздыхайте. Любви, как известно, все возрасты покорны, а жениться никогда не поздно.

ЛЕБЕДЕВ. О чём ты говоришь? Какая женитьба? В упор не увидела. В упор!

ЮЛЯ. Она же принца, поди, высматривает. Прыщавого и нечёсаного, годков так под двадцать пять, не старше. А вы для неё — дедушка! Причём — абсолютно посторонний.

ТИМ. Вы к ней под Новый Год подгрести попробуйте.

ЮЛЯ. Правильно! Дедом Морозом. Здравствуй, мол, внученька, в Снегурочки на ночь не желаешь?

ЛЕБЕДЕВ. Вам смешно!

ЮЛЯ. А если до Нового года невтерпёж, то шагайте прямо сейчас, подайте стодолларовую бумажку и попросите марципан без сдачи.

ТИМ. Во-во! Марципан, в натуре!

ЮЛЯ. И полное внимание вам обеспечено, — гарантирую!

ЛЕБЕДЕВ. Зачем я вам всё рассказываю? От вас разве сочувствия дождёшься?

ЮЛЯ. Да ладно уж несчастненьким-то прикидываться? Знаем мы вас! Вам эту бедную девочку соблазнить — всё равно, что ещё одну карамельку схрумкать. Мало ли у вас их перебывало, херр профессор?

ЛЕБЕДЕВ. Не хочу я никого хрумкать! Это дело не хитрое. Ну, распущу я, положим, хвост, бисером рассыплюсь! Подарками завалю! Понравлюсь, возможно — не исключается! Но понравлюсь ведь не сам по себе, а вследствие притворства, обмана. И где же тут, спрашивается, любовь?

ТИМ. Любовь, как известно, под одеялом.

ЮЛЯ. Под ватным преимущественно.

ЛЕБЕДЕВ. Да ну вас! С вами серьёзно, а вы!..

ЮЛЯ. А если серьёзно, то вы ей про свой геморрой расскажите, про то, как по ночам храпите, а по утрам запорами мучаетесь...

ЛЕБЕДЕВ. Прекрати!

ЮЛЯ. Пожалуйста! Только уж объясните нам, бесчувственным... Зачем же вы тогда к палатке попёрлись, ежели девочку красивыми сказками завлекать не желаете?

ЛЕБЕДЕВ. Зачем? А чёрт его знает зачем! Потянуло! Захотелось хоть голос услышать...

ЮЛЯ. Руки коснуться! В глаза заглянуть! А ведь помнится, кто-то сказал: «сближение — смерть». Назвать автора?

ЛЕБЕДЕВ. Не выдержал, каюсь! Хочется же хоть минимальной, но...

ЮЛЯ. Близости! А соблазнять не хочется. Вот ведь какие проблемы у нынешней профессуры!

ТИМ. Куды там! Прямо стибануться можно!

ЛЕБЕДЕВ. Вам смешно, я понимаю... Может, даже и противно... Старый дурак дурью мается... Я и сам, когда со стороны посмотрю... Сорок лет разницы! Постижимо ли!

ЮЛЯ. Ну, этот недостаток временный!

ЛЕБЕДЕВ. Как это временный?

ЮЛЯ. Когда вам стукнет всего сто, ей будет уже шестьдесят. Велика ли разница?

ЛЕБЕДЕВ. Обнадёжила! Это ещё дожить надо!

ЮЛЯ. Доживёте! Вы же у нас феномен! У вас ещё дети могут быть. Штуки четыре, али пять!

ЛЕБЕДЕВ. Скажи лучше — дюжина!

ЮЛЯ. Свободно! Если делом займётесь. Во всяком случае, переспать вам с ней надо побыстрей. Глядишь, и кончатся ваши любовные страдания.

ЛЕБЕДЕВ. Ну, хватит, хватит паясничать! Мы здесь, в тепле, смеёмся, а у неё, между прочим, рука прямо как ледышечка... Дотронулась — и до сих пор чувствую!

ЮЛЯ. Мороз по коже!

ЛЕБЕДЕВ. Ну что ты за человек? Что здесь смешного? Холодно же! Зима скоро!

ЮЛЯ. Она-то хоть в палатке пристроена, а мы, вообще, без работы, без прописки. О нас вы почему-то не думаете — плевать! Хотя сами же обещали: «Женитесь! Квартиру оставлю!».

ЛЕБЕДЕВ. Погоди... Я же поправился! Не инвалид теперь?..

ЮЛЯ. И что же? Каштанка опять без сала?

ЛЕБЕДЕВ. Какая Каштанка?

ЮЛЯ. Та самая, с которой мальчик Федюшка игрался. Помните, привяжет к нитке кусок сала, даст проглотить бедной собачонке и тут же и выдернет обратно. Вместе с кишками. Похоже, это и ваша любимая забава.

ЛЕБЕДЕВ. Ну как тебе не стыдно, Юлия!

ЮЛЯ. Скажете, не так?

ЛЕБЕДЕВ. Тим!..

ТИМ. Чего Тим-то? Обещали же!..

ЛЕБЕДЕВ. Я не отказываюсь. И готов решать! Но как? Без инвалидности опекунство не оформишь.

ЮЛЯ. Это не важно. Если захотели бы помочь, помогли бы.

ЛЕБЕДЕВ. Как? Говори!

ЮЛЯ (*начинает ходить*). Есть простой и радикальный способ. Очень простой. И очень радикальный. (*Останавливается.*) Только вы на него, разумеется, не согласитесь.

ЛЕБЕДЕВ. Отчего же? Если простой и радикальный?

ЮЛЯ. Испугаетесь.

ЛЕБЕДЕВ. Чего же я, интересно, испугаюсь? Ну, давай уж, выкладывай!

ЮЛЯ. Фиктивный брак.

Наступает молчание.

ЮЛЯ. Мы с вами расписываемся и — никаких проблем.

ЛЕБЕДЕВ. Ты в своём уме?

ЮЛЯ. Видите — испугались!

ЛЕБЕДЕВ. Да ничего я не испугался! Просто это невозможно!

ЮЛЯ. Почему?

ЛЕБЕДЕВ. Невозможно — и всё! Никак невозможно!

ЮЛЯ. Да почему же никак? Речь ведь идёт о фиктивном браке, не о настоящем!

ЛЕБЕДЕВ. Я понимаю, но...

ЮЛЯ. Никто даже и не узнает. Мы никому слова не скажем. Мужем для всех, реальным мужем, будет Тим, а вы, так — фикция!

ЛЕБЕДЕВ. Ничего себе фикция!

ЮЛЯ. Ну а что же ещё?

ЛЕБЕДЕВ (*ТИМУ*). И ты согласен?

ЮЛЯ. Он согласен.

ТИМ. Сами решайте...

ЛЕБЕДЕВ. Но я не хочу жениться! Вообще не хочу!

ЮЛЯ. Это же не по-настоящему, фиктивно же!

Наступает молчание.

ЛЕБЕДЕВ. А вдруг я захочу... по-настоящему?..

ЮЛЯ. Вы меня смущаете, пан Станіслав... И Тимчика тоже... Он нас и так уже, бедняга, отчаянно ревнует.

ТИМ. Не ревную я! Сами решайте...

ЮЛЯ. Или вы, пардон, на булочницу свою намекаете?

ЛЕБЕДЕВ. Вообще!

ЮЛЯ. Вообще — вы не женитесь никогда! Ну а если уж, как говорится, бес попутает и сей грандиозный акт сделается неотвратимым... Где тут у вас иконка? (*Берёт с тум-*

бочки образок.) Торжественно клянусь, что разведусь с вами по первому же вашему требованию. (Крестится, ставит образок на место.) Удовлетворены теперь?

ЛЕБЕДЕВ. Более чем... Ошарашен!

ЮЛЯ. Значит, пора подавать шаманское. Тим!

ТИМ *(его заклинило)*. Сами решайте!

ЮЛЯ. Решили уже. Тащи шампунь!

ТИМ уходит.

ЛЕБЕДЕВ *(в полнейшей растерянности)*. Зачем шампунь?

ЮЛЯ. Помолвку обмыть полагается.

ЛЕБЕДЕВ. Шампунем? Но я же ничего ещё не решил!

ЮЛЯ. А вам и решать-то нечего? Вы же — фикция! Поставите свою закорючку *(изображает в воздухе подпись)* — и привет! Вы — в свою кровать, а я — на диван к Тиму. Законному супругу изменять. Вам, то есть, пан профессор! *(Смеётся.)* И будете вы не только фиктивным мужем, но и фиктивным рогоносцем! Красота!

Входит с бутылкой ТИМ.

ЮЛЯ *(ЛЕБЕДЕВУ)*. Жених! Доставайте фужеры! Тим, не стой истуканом, откупоривай! Гулять буду! С будущим мужем и любовником!

Истерически смеётся над поражённым, совершенно потерявшимся ЛЕБЕДЕВЫМ,

ТИМ ставит на пол бутылку и уходит.

ЛЕБЕДЕВ. Тим... *(ЮЛЕ.)* Куда он?

ЮЛЯ. Да куда он денется! *(Поднимает бутылку, подаёт ЛЕБЕДЕВУ.)* Открывайте!

Стучит входная дверь.

ЛЕБЕДЕВ *(пятясь)*. Ну уж нет... Без Тима не буду... Тим!.. Тимчик!...

Выбегает из комнаты.

ЮЛЯ. Ну хрен с вами! *(Открывает бутылку.)* Одна гулять буду!..

Запрокидывая голову, пьёт из горла.

Затемнение.

Вечер, лунный свет. Задремавший ЛЕБЕДЕВ не видит, как в комнату входит в свадебном платье ЮЛЯ, ставит пластинку и начинает танцевать. Очнувшись, ЛЕБЕДЕВ впадает в оцепенение. И уж потом только зажигает торшерный свет.

ЛЕБЕДЕВ. Никак не уймёшься?

ЮЛЯ *(танцуя)*. Я вам нравлюсь? Я имею в виду как модель?

ЛЕБЕДЕВ. Шампанского опилась?

ЮЛЯ. Не задавайте пошлых вопросов. Оцените лучше платье. Мой диплом!

ЛЕБЕДЕВ. Полный отпад!

ЮЛЯ. Прошу быть серьёзным. Это же — диплом!

ЛЕБЕДЕВ. На месте Тима я бы тоже смертельно обиделся. Ещё и напилась!..

ЮЛЯ. Ну, перестаньте же! Хватит! Никуда ваш прелестный Тимчик не денется! Побомбит вечерок и заявится, как миленький. Рассмотрите-ка лучше платье. Видите, какие тончайшие кружева? А бязь какая нежная, видите?

ЛЕБЕДЕВ (*вглядываясь*). Ты молодец, Юлька! (*Обходит вокруг.*) Я всё время забываю, что ты художница. А ты — художница! От Бога! И рукодельница к тому ж! Просто Юлька-искусница, не иначе! Молодец! Поздравляю! Прекрасная работа!

ЮЛЯ. То-то же! Поздравления заслуженно принимаю. Но в загс с вами в этом свадебном шедевре я не пойду. Нарочно надену неприметное серенькое платьице и волосы серебром потравлю. Чтобы вам не стыдно было за мою буйно цветущую молодость.

ЛЕБЕДЕВ. Можешь успокоиться — никакого загса не будет.

ЮЛЯ. Какой же вы вероломный! Хуже Федюшки.

ЛЕБЕДЕВ. Прописку сделаем как-нибудь и так — сейчас это уже проще. А остальное — Бог даст.

ЮЛЯ. А он даст?

ЛЕБЕДЕВ. Если будешь вести себя прилично...

ЮЛЯ. Да надоело мне вести себя прилично. И вообще, всё надоело. Мутота всё это — квартиры, прописки, контейнера! Всё мутота!

ЛЕБЕДЕВ. Прямо Экклезиаст.

ЮЛЯ. И замуж не пойду. Пойду вот сейчас и это платье изрежу! В ленточки! В лоскутки!

ЛЕБЕДЕВ. Ты что? Спятила?

ЮЛЯ. Ну зачем вы меня за него выдаёте? Разве нам плохо было? Вместе?

ЛЕБЕДЕВ. Привет! Ты, кажется, сама его в доме оставила, сошлась с ним?

ЮЛЯ. Оставила! А разве бы я одна с вами справилась? А потом он всё смотрел, смотрел своими бараньими глазами!.. Как облизывал всё равно!

ЛЕБЕДЕВ. Он тебя, дуру, любит. По-настоящему любит!

ЮЛЯ. А когда-нибудь возьмёт и прирежет.

ЛЕБЕДЕВ. Ну что за достоевщина? А не доводи! А то ты с ним как со зверьком дрессированным... Если честно, то ты в вашем союзе — меньшая жертва!

ЮЛЯ. Но всё-таки жертва? Жертва!

ЛЕБЕДЕВ. Ну и не выходи тогда! Тебя же силком не заставляют. Если не по любви, то зачем?

ЮЛЯ. Вы же меня не берёте по любви! Для вас я плохая невеста.

ЛЕБЕДЕВ. Для меня ты вообще не невеста!

ЮЛЯ. Родственница! Ну какая я вам, в самом деле, родственница? Смешно даже!

ЛЕБЕДЕВ. Ну, смешно или не смешно, я не знаю, но родственницей ты в этот дом вошла...

ЮЛЯ. Родственницей и выйдёшь. А я не хочу уходить. И терять вас не хочу. Я же люблю вас! Не Тима, вас! И если бы не этот ваш инфаркт проклятый, мы бы уже здесь (*показывает на постель*) спали бы вместе.

ЛЕБЕДЕВ. Ну что ты городишь?

ЮЛЯ. Спали бы, спали! Ведь один раз уже было! Не отрицайте, — было!

ЛЕБЕДЕВ. Не было ничего!

ЮЛЯ. Было!

ЛЕБЕДЕВ. Да что было-то? Ну, забралась среди ночи в постель... Самовольно!..

ЮЛЯ. Скажете, не хотели этого, да? Не хотели? А зачем же тогда...

ЛЕБЕДЕВ. Всё! Не будем об этом, прекрати!

ЮЛЯ. Почему же не будем? Наоборот!

ЛЕБЕДЕВ. Ты слышала, что я сказал? Кончили!

ЮЛЯ. Да в том и дело, что не кончили!

ЛЕБЕДЕВ. Прекрати! И платье это сними... Сейчас же!

ЮЛЯ. Как прикажете!

Снимает через голову платье.

ЛЕБЕДЕВ. Ну что ты делаешь? А? Ну зачем? *(Оглядывается на окно.)*

ЮЛЯ. Не бойтесь, она не увидит... Никто не увидит, никто!..

ЛЕБЕДЕВ. Не подходи ко мне! Не приближайся! И, если не оденешься!..

ЮЛЯ *(подходит вплотную)*. Ну что вы сделаете, что? Приласкаете? Как той ночью, да? А потом струсите?.. Трусишка!..

Тянет к ЛЕБЕДЕВУ руки, приближается.

ЛЕБЕДЕВ. А вот что!

Неожиданно поворачивает ЮЛЮ и с силой, так что она вскрикивает, наподдаёт по заду.

ЮЛЯ *(хватается за ушибленное место)*. Вы что?

ЛЕБЕДЕВ. Ещё и ремнём добавлю!

ЮЛЯ плачет.

ЛЕБЕДЕВ. Вот и пореви! Чёрт знает что выдумывает! Тима прогнала! Совсем распоясалась!

ЮЛЯ плачет навзрыд.

ЛЕБЕДЕВ. Ну, хватит, хватит! *(Подходит.)* Больно, что ли? А будешь знать... Ну, не реви, не реви... Сама виновата... Разве так можно?

Хочет утешить и боится прикоснуться к полуобнажённой ЮЛЕ.

ЛЕБЕДЕВ. Ну прости, прости, если больно... не рассчитал.

ЮЛЯ *(всхлипывая)*. Не врите. Вы и хотели, чтоб было больно.

Подхватывает платье и уходит.

ЛЕБЕДЕВ. Ну что тут скажешь? Кошмар!

Садится в кресло, качает головой. Затем поднимается, подходит к письменному столу, вынимает из ящика тоненькую папочку. Открывает, смотрит, кричит в дверь...

ЛЕБЕДЕВ. Юля!.. Юлия Борисовна!.. На минутку!..

Не сразу в двери появляется переодевшаяся ЮЛЯ.

ЛЕБЕДЕВ. Ознакомься!..

Протягивает папку.

ЮЛЯ берёт папку, открывает, читает, поднимает глаза на ЛЕБЕДЕВА.

ЮЛЯ. Когда же вы успели? *(заглядывает в бумагу.)* Во время болезни ещё оформили... *(Вскидывает на ЛЕБЕДЕВА глаза.)* И молчали?!

ЛЕБЕДЕВ. Боялся. Думал, оглашу, значит, уж точно — аут.

ЮЛЯ. Станислав Петрович! Пан Станіслав! *(Идёт к ЛЕБЕДЕВУ.)* Дядька вы мой родной, хороший, славный! *(Обнимает и начинает его целовать.)* Я про вас, дура, такое думала! Злилась, переживала. На саму себе злилась! Что на вас злюсь. Из-за квартиры этой! А вы!.. Вы негодяй просто, что молчали! Я ведь возненавидеть вас могла! И себя возненавидеть! Из-за барахла этого!.. А вы!.. Завещание... Ну почему вы такой? Что вам стоило меня успокоить, сказать?

ЛЕБЕДЕВ. Всё помню: и слёзы твои, и ночи бессонные... Всё!

ЮЛЯ. Я ведь думала: всё равно один, умирает... А вы!..

ЛЕБЕДЕВ. Я тоже хорош. Нужно было успокоить, конечно...

ЮЛЯ. Палкой бы меня успокоить, дуру, и на улицу взашей вытолкать! *(Вытирает слёзы.)* Ну так слушайте же! Вы про меня совсем теперь не беспокойтесь, будто нет меня, и не существует! Поняли? Свою жизнь живите и ни на кого не оглядывайтесь! И завтра же — слышите? — приведу вам булочницу!

ЛЕБЕДЕВ. То есть как это приведу!

ЮЛЯ. За руку! Соблазняйте её, прельщайте, невзирая ни на что прельщайте — ни на возраст, ни на положение, ни на какие другие глупости! Ведь вы же любите её! Любите?

ЛЕБЕДЕВ. Люблю. Наверное.

ЮЛЯ. Вот и любите изо всей силы! Да, Господи!.. Ведь вы же окрылите её любовью своей! До небес возвысите!

ЛЕБЕДЕВ. Подожди...

ЮЛЯ. А это завещание я порву... в клочья!.. чтоб и не думать о нём никогда!

ЛЕБЕДЕВ. Ты что? Вот полоумная!

Останавливает её движение, отбирает папку, убирает в стол.

ЛЕБЕДЕВ. Пусть лежит! Знаешь теперь где... *(Поворачивается к ЮЛЕ.)* И Тиму скажем...

ЮЛЯ. Боже мой! Какая же она счастливая, Любовь эта ваша! *(Плачет.)* Какая счастливая!

ЛЕБЕДЕВ. Я сегодня ей имя придумал. Как бы называть её хотел...

ЮЛЯ. Как?

ЛЕБЕДЕВ. Любицей. Ничего? Она же из-под Молдавии вроде... Любига!..

ЮЛЯ. Простите меня, простите!

Берёт руку ЛЕБЕДЕВА, целует, а он целует её в голову.

Затемнение.

Вечер. Посредине — стол, накрытый на три персоны. ЛЕБЕДЕВ в чёрных брюках и белой рубашке прибирает комнату. Очень часто и взволновано смотрит в окно, на площадь.

ЛЕБЕДЕВ. Ну где же она? Хотя бы знак какой подала, мол, всё в порядке, или — наоборот! Что за отношение? Ведь знает же, — волнуясь, жду! Поговорила и пропала!

Заслышав шум в прихожей, идёт к двери и чуть не сталкивается с ТИМОМ.

ЛЕБЕДЕВ. Тим?! *(Отступает.)* Вот чудо-то... Проходи!

ТИМ. Здравствуйте, Станислав Петрович!

ЛЕБЕДЕВ *(протягивая руки)*. Ну здравствуй же, здравствуй! *(Обнимает ТИМА.)* Ты где же пропадаешь, негодник?

ТИМ. Да я это... *(Ему трудно говорить.)* Как вы тут?..

ЛЕБЕДЕВ. Да мы-то, слава Богу! За тебя вот переживаем.

ТИМ. Переживаете, да?

ЛЕБЕДЕВ. Ну а как же не переживать! Ещё как! Ты где же пропадаешь?

ТИМ. Да я это, «бомбил» по Москве, и вообще... *(Оглядывает накрытый стол.)* А вы гостей ждёте?

ЛЕБЕДЕВ. Гостью! Сейчас поставлю ещё фужер... *(Идёт к буфету, оборачивается.)* Ты, надеюсь, присоединишься?

ТИМ. Не знаю. Покамест...

ЛЕБЕДЕВ. Ах ты, разбойник! *(Заговорщицки.)* Она тебя простит, Тимчик, простит. Только ты от меня этого не слышал. Условились?

ТИМ. Спасибо. *(Проглотив ком в горле.)* Тогда я останусь, наверно...

ЛЕБЕДЕВ. Нет, брат, ты уж не «наверное», а наверняка оставайся. «Наверное» тебя не оставят. Понял меня?

ТИМ. Понял. Я и хочу наверняка. Больше всего хочу!

ЛЕБЕДЕВ. Она, конечно, полютует малость, но ты уж, брат, стерпи. Тоже хорош! Исчез — и ни звука.

ТИМ. А где она, Юля?

ЛЕБЕДЕВ. Чёрт её знает! Вышла на минутку, и уже полчаса как нет! Знаешь, кого мы поджидаем-то? Любицу!

ТИМ. Любицу?

ЛЕБЕДЕВ. Это я ей такое имя сочинил, булочнице своей! А Юля придумала на ужин её пригласить. И пропала! Главное, знает же, что я весь не в себе. Хоть бы знак какой подала! Приведёт, не приведёт!..

ТИМ *(смотрит на ручные часы)*. Рынок до семи работает... Я хочу сказать, время ещё есть.

ЛЕБЕДЕВ. Да времени навалом! Куда девать — неизвестно! Я уж от волнения стол накрывать начал раньше времени!

ТИМ. Раньше времени не надо бы...

ЛЕБЕДЕВ. Примета плохая? Сглазить можно? Не придёт?

ТИМ. Да нет! Я просто так сказал.

ЛЕБЕДЕВ. Мы ведь её маленькой хитростью заманиваем. Юлька будто бы кое-что из одежды своей подарить ей хочет. Подарит, конечно, мы уже отобрали. А тут и я, вроде как бы невзначай, приглашу отужинать. Надеемся, не откажет. Как тебе наш план?

ТИМ. Нормальный.

ЛЕБЕДЕВ. Думаешь, сработает? *(Кидается к двери.)* А вот и Юля! Наконец-то!

Входит ЮЛЯ. ТИМ теряется так, что не может выдать ни звука. Смотрит в пол, переминается.

ЮЛЯ *(небрежно кивая на ТИМА)*. А этот зачем здесь?

ЛЕБЕДЕВ. После разберётесь! Ну? Не томи!

ЮЛЯ. Плохо наше дело, дядька.

ЛЕБЕДЕВ. Отказалась?

ЮЛЯ. Я отказалась.

ЛЕБЕДЕВ. Ты? Почему?!

ЮЛЯ. Оказывается, не свободна наша девушка-то. Ухажёра завёла. Любовь до гроба.

ЛЕБЕДЕВ. С чего ты взяла? То есть... Она сама тебе сказала?

ЮЛЯ. Да её и спрашивать не надо — сияет до ушей. Сегодня как раз свидание.

ЛЕБЕДЕВ *(не сразу)*. Ну что же... Это, в общем-то, естественно... закономерно даже... Следовало ожидать... в какой-то мере...

ЮЛЯ. Причём недавно появился ухажёр-то. И как думаете, зовут? Ни за что не догадаетесь. *(Выждав.)* Стасом!

ЛЕБЕДЕВ. Станиславом?! Как меня?

ЮЛЯ. Нарочно не придумаешь, да?

ЛЕБЕДЕВ. Как порой иронична жизнь! И с какой беззаботной лёгкостью она опрокидывает наши тщательно выстроенные планы. Стасом! Действительно, придумать трудно. *(Помолчав.)* Душно у нас что-то здесь, не находите? Нет? А из меня будто бы воздух выкачали. Пойду подышу... Счастливо!..

Быстро уходит.

ЮЛЯ поворачивается выйти следом, но ТИМ преграждает дорогу.

ЮЛЯ *(высокомерно)*. Это ещё что?

ТИМ. Не могу без тебя!

Падает на колени и обнимает за ноги ЮЛЮ.

Затемнение.

Из соседней комнаты доносится стрекот швейной машинки. ЛЕБЕДЕВ сидит за письменным столом, перебирает бумаги, но ему, видимо, не сидится. Наконец не выдерживает, встаёт, подходит к серванту, достаёт откуда-то из глубины запря- танный бинокль и, воровато оглядываясь на дверь, подходит к окну, смотрит.

ЛЕБЕДЕВ. Может, у неё беда, несчастье какое? Она нуждается в помощи, в совете?.. Нет, это невыносимо! *(Зовёт.)* Юля! Юля! Пойди скорее!

Стрекот машинки прекращается.

Входит ЮЛЯ.

ЛЕБЕДЕВ. Не могу больше! И не ругайся, пожалуйста! Может, у неё случилось что! На ней лица нет — омертвела!

ЮЛЯ. Дальше что?

ЛЕБЕДЕВ. Надо выйти, разузнать!

ЮЛЯ *(после паузы)*. Это всё?

ЛЕБЕДЕВ. Ну что ты как истуканша? Неужели трудно поинтересоваться? Вы же — подруги!

ЮЛЯ *(хмыкнув)*. Это вы так решили?

ЛЕБЕДЕВ. Ну, по крайней мере, знакомы! Тряпки ей дарить собиралась! *(Заискивающе.)* Ну будь ласка, сходи! А я твой диплом за это вычитаю.

ЮЛЯ. Вот с этого следовало и начинать. И смотрите, чтоб ни одной ошибки не проаустили!

ЛЕБЕДЕВ. Иди же! Иди!

ЮЛЯ. Только без бинокля вычитывайте. В очках!

Отбирает бинокль и уходит.

ЛЕБЕДЕВ. Кошмар! Кошмар!

Находит бумаги, садится в кресло и читает. Но мысли его, видимо, за окном. Туда он и поглядывает.

Входит ТИМ.

ТИМ. Куда это Юля полетела? Даже не сказала ничего.

ЛЕБЕДЕВ. Это я отправил её. Туда. *(Показывает за окно.)* К ней!

ТИМ. Зачем? Вы же решили крест поставить.

ЛЕБЕДЕВ. Да что-то неладно у неё! То светилась вся, сияла, а тут угасла. Глаза сиротские, печальные. Как у вековухи.

ТИМ. Кто такая, вековуха?

ЛЕБЕДЕВ. Вечная вдова. *(Приподнимается, смотрит в окно.)* Подходит! Заговорили!

ТИМ. Забыть вам её надо. Навсегда!

ЛЕБЕДЕВ. Разве это от меня зависит?

ТИМ. А от кого же? Отойдите от окна — и всё!

ЛЕБЕДЕВ. Ах, Тимчик, Тимчик! Тебе легко говорить. Юлька с тобой. Вы счастливы. А я... *(Прерывается.)* Что это? Она плачет, Тим! *(С силой вцепляется в его руку.)* Плачет!

ТИМ. Да пусть плачет! *(Вырывается.)* Если дура такая!

ЛЕБЕДЕВ. Почему дура? Ты что? Ей же больно!

ТИМ. Ну, бросил он её! Ну и что? Значит, не любил!

ЛЕБЕДЕВ. Не любил? Разве это возможно?

ТИМ. Почему нет-то? Всё возможно!

ЛЕБЕДЕВ. погоди. Ты точно знаешь? Бросил?!

ТИМ. Ну а чего ж она... такая... Наверное!

ЛЕБЕДЕВ. Да нет, это невозможно, Тимчик... Что ты!.. Не-е-т!

ТИМ. И вам её надо бросить. Забыть то есть.

ЛЕБЕДЕВ. Я живу ей! Она мне смысл открыла... Оживила меня!..

ТИМ. Да выдумали вы всё! Просто совпало — лекарство Юлькино подействовало, и она появилась... Вот вы и дёрнулись.

ЛЕБЕДЕВ. От смерти к жизни! И помолчи, пожалуйста: видишь, они разговаривают.

ТИМ. Ну и что? Вы же всё равно их не слышите.

ЛЕБЕДЕВ. Зато тебя слышу! А она объясняет что-то, рассказывает...

ТИМ. Ну и что?!

ЛЕБЕДЕВ. Да ничего, Тимчик! Плохо ей! И мне плохо. А Юлька, зараза, бинокль унесла! Лучше ступай, поищи его. Хорошо?

ТИМ (*готовясь уйти*). Забыть надо, забыть!

ЛЕБЕДЕВ. А может, наоборот — открыться?

ТИМ останавливается.

ЛЕБЕДЕВ. Ведь если любовь — не случайность, если это дар от Бога, то имею ли я право скрывать своё чувство? Ведь я, Тим, только носитель этого чувства, адресат же — она! Логично? А если так, стало быть, я обязан доставить этот дар по назначению. Причём не просто доставить, а и убедить принять. Понимаешь, какая ответственность? Ведь если, Тим, она, скажем, отвергнет, не примет мою любовь, то, значит, я оказался недостойным носителем этого дара. Разве не так?

ТИМ. А может, это она недостойная?

ЛЕБЕДЕВ. Нет, Тим, нет! Виноват буду я — мне было поручено исполнить! И этот Стас, Тим, если хочешь знать, появился неслучайно. Это знак мне! Что я промедлил.

ТИМ. Да ничего вы не промедлили! Просто они ждать не умеют... Бросаются, как ненормальные, на первого встречного... Как будто он и есть их единственный. А он, может, просто так... позабавиться или по дури... Всяко же бывает... Зачем спешить? Ты сначала убедись, что он — это он! А они!..

ЛЕБЕДЕВ. А они, Тим, торопятся. Навстречу любви торопятся! Ведь они только её и ждут, девочки-то наши... Вот опроси мы, скажем, мальчиков — «чего вы больше всего хотите?». Мальчики сильными захотят быть, ловкими, смелыми, чтоб уважали, боялись! А девочки, глазки потупят, и прошепчут: «любви»! Ты погляди на них, Тим!.. Как они заботятся о себе! Какие они чистенькие, ухоженные! Это же огромные усилия! А в результате им, естественно, начинает казаться, что первое же внимание, обращенное к ним, это и есть закономерная награда. Усилия не пропали даром, они оценены! Ура! Их любят! А мы, Тим, любить-то вовсе и не думали, позабавились, как ты говоришь, и дальше пошли.

ТИМ. Я и говорю: ждать не умеют! А умели бы!.. Раньше правильнее было... Первая брачная ночь и всё такое... По крайней мере, ошибок меньше было!

ЛЕБЕДЕВ. Ну, ошибок, положим, всегда хватало. И нам, Тимчик, придётся их исправлять тоже. Придётся нам всерьёз схватиться с этим Стасом.

ТИМ. Стасом?

ЛЕБЕДЕВ. Не отдавать же ему нашу Любовь, раз он так плохо с ней обращается! Всё, решено: выходим на сцену! Завтра же! А впрочем, почему не сейчас? Не сегодня? (*Смотрит на ТИМА.*) Что нам мешает?

ТИМ. Да ничего... вроде...

ЛЕБЕДЕВ. Вот и я так же думаю. Я подавлю этого Стаса, Тим! В лепёшку распластаю, а верну Любичу себе!

ТИМ. Юля возвращается.

ЛЕБЕДЕВ. Хорошо. Понимаешь, Тимчик, любить надо безоглядно. Как будто в первый и в последний раз! Зачем я медлил? Чего стыдился? Возраста? Ну так я же не расклеивать её хочу. Хочу сделать счастливой! И даже если она не полюбит меня со всей

страстью, без остатку, как того бы мне, положим, хотелось, ну так, что же, я удовольствуюсь и малой её благодарностью! Достаточно будет и этого. Да, вполне достаточно!

ТИМ. Забыть её вам надо, забыть!

ЛЕБЕДЕВ. Отставить разговоры! Зачем забывать, когда я могу ей помочь? Я брошу жизнь свою к её ногам — пусть топчет! Я хочу быть истоптанным любовью!

Входит ЮЛЯ.

ЛЕБЕДЕВ (*устремляясь к ней*). Ну? Что там? Плохо?

ЮЛЯ. Исчез женишок-то! Как парус в тумане!

ЛЕБЕДЕВ. Что, значит, исчез?

ЮЛЯ. Испарился. Словно облачко с горизонта.

ЛЕБЕДЕВ. Можешь яснее выразаться!

ЮЛЯ. Куда же яснее? Похоже, бросил он её. Кинул. Понимаете?

ЛЕБЕДЕВ. И что же?

ЮЛЯ. Ничего. Девушка в большом расстройстве.

ЛЕБЕДЕВ. А ты что?

ЮЛЯ. И я ничего. Ну, пожалела её, сказала, что не стоит из-за всяких козлов двуногих так убиваться.

ТИМ. И правильно сказала.

ЮЛЯ. Я-то правильно, только она разве послушает? Он её, оказывается, от Анвара спас. Хозяина рынка. Ей в тот вечер, когда они со Стасом познакомились, как раз было велено к Анвару идти. Ну, сами понимаете, для чего... Короче, она уж руки на себя наложить готовилась, а тут Стас этот... Короче, теперь ему на рынке появляться нельзя, пасут его тут. Представляете, какая романтика? Поэтому встречаться договорились в молодёжной кафэшке. Там она и ждёт его уж второй вечер. А он, сволочь такая, почему-то не идёт!

ТИМ. Может, он вообще не придёт!

ЮЛЯ. Может. Только она, похоже, верная Пенелопа. Уже предприняла конкретные шаги — нанялась официанткой в то самое кафе. Будет работать и ждать.

ТИМ. Ну и что? По крайней мере от Анвара скроется.

ЮЛЯ (*ЛЕБЕДЕВУ*). Так что, можете распрощаться со своей Любовью, последний день её сегодня на нашей площади лицезреете.

ЛЕБЕДЕВ (*отрывисто*). Адрес взяла?

ЮЛЯ. Кафэшки этой? Нет. А вам нужно?

ЛЕБЕДЕВ. Нужно. Сходи, пожалуйста... за адресом... Иди, Юля, иди!

ЮЛЯ. Зачем идти-то? Я это кафе и так знаю, без адреса. Мы там как-то с Тимом сидели. (*ТИМУ*.) Помнишь, стекляшку, где нам тухлую куру подсунули?

ТИМ. Угу.

ЛЕБЕДЕВ. Доставишь меня туда вечером! (*ЮЛЕ*.) Решено! Я выхожу на сцену! Форма одежды — парадная! А сейчас — в ванную! Мыться, бриться, одеваться! (*Поворачивается в двери*.) Не всё ещё потеряно. Я — тоже Стас! И не самый худший!

Уходит.

ЮЛЯ. Что это он так раздухарился?

ТИМ. Не знаю. Стаса победить хочет.

ЮЛЯ. А ты чего?

ТИМ. Чего?

ЮЛЯ. Вроде как не в себе.

ТИМ. Нормальный я.

ЮЛЯ. Нормальный?

ТИМ. Нормальный!

ЮЛЯ. Ну ладно тогда... *(Помолчав.)* А профессор-то наш не дурак.

ТИМ. В каком смысле?

ЮЛЯ. В бинокль её углядел, Любицу-то. Хорошая она. Очень хорошая!

ТИМ *(как очнувшись)*. Так, некогда мне, пошёл я!

ЮЛЯ. Куда это ты подхватился? *(Обидчиво.)* Не поцеловал даже...

ТИМ. Клиент лохматый нарисовался — ждёт уже. Пока!

Целует ЮЛЮ в щёку.

ЮЛЯ. А по правде что?

ТИМ. По правде? *(Оборачивается.)* А что по правде?

ЮЛЯ. Темнишь ты что-то, Тимчик, не договариваешь.

ТИМ. Договариваю я! Чего темнить-то?

ЮЛЯ. Ну, ступай тогда. погоди! Надо Любицу перевезти на новую квартиру. Поможем?

ТИМ молчит.

ЮЛЯ. Я её и на свадьбу к нам пригласила.

ТИМ идёт к двери. Останавливается, оборачивается.

ТИМ. Всё равно узнаешь... *(Шагает к ЮЛЕ.)* Стас — это я. Не удивляйся!

ЮЛЯ *(не сразу)*. О ля-ля!

ТИМ. Да по-дурачки вышло. Не хотел! Честно! Иду той ночью, помнишь, когда от тебя ушёл? А разозлённый, блин! Ведь не вернусь же, думал. Иду, а она стоит, Любовь эта... А темнотища вокруг, никого нет уже. Подхожу. Булка, спрашиваю, есть? Она говорит: какая? Я говорю, самую вкусную давай. Ну, она подаёт какую-то, а я: себе, мол, возьми, подарок, говорю, типа от меня.

ЮЛЯ. Тим, ты это серьёзно? Не врешь?

ТИМ. Она заплакала вдруг. Не, честно, прямо слёзы покатались из глаз. Катятся, блин, а она улыбается сквозь них... Представляешь?

ЮЛЯ. Ещё одного мужика увела. Ну и Любица!

ТИМ. Не она увела, — я! Говорю же, разозлённый был. Думаю, раз вы так со мной, то и я тоже... Ну и понеслось потом!

ЮЛЯ. Понеслось?

ТИМ. Угу. Не вернусь же, думал.

ЮЛЯ. А что же вернулся тогда?

ТИМ. Я же, это, тебя только люблю, — приворожила!

ЮЛЯ. Ведьма я, что ли, приворожила?

ТИМ. Зачем ведьма? Нет! Но, правда же, не могу без тебя... Сосёт вот здесь *(показывает на живот)*, как у голодного...

ЮЛЯ. Да, Тимчик, удивил ты меня несказанно, если честно признаться.

ТИМ. Прости меня, пожалуйста... Простишь?

ЮЛЯ. В голове не укладывается... Ты — Стас! А почему Стас-то?

ТИМ. Не знаю. Само выскочило. Я же говорю — разозлённый был. А тут ещё она плачет...

ЮЛЯ. Так это тебя, значит, бандиты анваровские отлавливают?

ТИМ (*не без гордости*). Меня!

ЮЛЯ. Красиво! Ещё и башку снесут.

ТИМ. Не снесут. Но про контейнерá, конечно, забыть придётся. Во всяком случае, на этом рынке.

ЮЛЯ. Хоть это, слава Богу.

ТИМ. Теперь не знаю, что делать. Тебе вроде признался... А как с профессором быть?

ЮЛЯ. А с ней?

ТИМ. С ней-то я поговорю... улажу... думаю... А профессору... всё одно не светит... Не станет она с ним!.

ЮЛЯ. Из-за тебя, что ли, не станет?

ТИМ. Почему из-за меня? Не только.

ЮЛЯ. Эх ты, не только! У человека любовь, а ты!.. Ну и чего ты доказал этим, что Стасом назвался?

ТИМ. Ничего.

ЮЛЯ. Ничего! Ты же негодяй, Тим! Ты же просто её положением воспользовался. Она от Анвара этого увернуться думала, а тут ты нарисовался — герой!

ТИМ. Я не герой. Она мне про Анвара потом только раскололась, после...

ЮЛЯ. Тем более! Профессору он мстит! А сам девчонку загубил!

ТИМ. Да ты что? Ты про что думаешь-то? Я бы и не признался тогда... Нет!

ЮЛЯ. Что нет? Хочешь сказать, не было у вас ничего? Не спали вместе? Нет?

ТИМ. Да какой! Нет, конечно!

ЮЛЯ. Почему это конечно?

ТИМ. Мы и не думали об этом!

ЮЛЯ. А чем же вы тогда занимались?

ТИМ. Ничем. Разговаривали просто, общались.

ЮЛЯ. Всю ночь?

ТИМ. Почему всю ночь? Я её на фатеру потом доставил, а сам бомбить поехал, в машине спал...

ЮЛЯ. А на другой день?

ТИМ. И на другой! Тоже разговаривали.

ЮЛЯ. О чём?!

ТИМ. Обо всём. Москву ей показывал... Она же ничего, кроме рынка этого, и не видела толком...

ЮЛЯ. И даже не целовались, хочешь сказать?

ТИМ (*смутившись*). Целовались. Только она — девочка совсем. Ребёнок!

ЮЛЯ. Пожалел, значит. Или — не осмелился?

ТИМ. С ней по-честному надо...

ЮЛЯ. Это как? После загса, что ли?

ТИМ. Сама же говоришь — хорошая она.

ЮЛЯ. Да-а! Понятно теперь, почему она в тебя до одури влюбилась.

ТИМ. Я ж не просил... Получилось так...

Тяжело вздыхает.

ЮЛЯ. И что же теперь делать будешь, раз так получилось?

ТИМ. Скажу, как есть, что к тебе вернулся.

ЮЛЯ. Она разве про меня знает?

ТИМ. Ну, не про тебя конкретно! А вообще, знает. Что любовь у меня несчастливая была. Есть, то есть!

ЮЛЯ. А про профессора? Тоже знает?

ТИМ. Угу.

ЮЛЯ. Что угу?

ТИМ. Ничего. Не нужен он ей.

ЮЛЯ. Даже так! Интересно, что же ты о нём такого поведал?

ТИМ. А что о нём поведаешь? Пустоцвет — он и есть пустоцвет. Всю жизнь пона-
прасну проколосился.

ЮЛЯ. Надо же, какое мощное обобщение! Она тебя наверняка за философа сочла?

ТИМ. Да уж дураком не обзывала.

ЮЛЯ. Ну так и вали к ней, если такой умный! Вали!

ТИМ. Напрасно я тебе рассказал.

ЮЛЯ. А куда ж тебе деваться? Сам же сказал, все равно узнала бы.

ТИМ (*сожалея*). Надо мне было бы с ней вперёд поговорить. По-тихому!

ЮЛЯ. И она бы поняла! Поняла и простила бы!

ТИМ. Конечно, поняла бы! Объяснил бы по-человечески, поняла бы.

ЮЛЯ. А что ж ты сразу не объяснил ей по-человечески, что ко мне возвращаться
надумал?

ТИМ. Я же не знал, примешь, нет?

ЮЛЯ. То есть, если бы я тебя не приняла, как ты выражаешься, то ты бы опять к ней
подался? Так, что ли? Отвечай!

ТИМ. Не знаю. Может, и подался бы! (*Делает шаг к ЮЛЕ.*) Но я же тебя люблю, те-
бя!

Обнимает.

ГОЛОС ЛЕБЕДЕВА. Тим! Тима! На помощь!

ЮЛЯ. Зовёт.

ТИМ. Да ну его!

ЛЕБЕДЕВ. Тимуш!..

ЮЛЯ (*отстраняется*). Иди!

ТИМ раздосадовано уходит.

ЮЛЯ подходит к окну, смотрит на площадь.

Входит ТИМ. Встаёт рядом с ЮЛЕЙ.

ЮЛЯ. Что он там?

ТИМ. Майка. К спине прилипла, завернулась... Сам достать не может... (*Утыкается
носом в Юлино плечо.*) Прости меня, Юленька, прости!..

Входит ЛЕБЕДЕВ в белой майке.

ЛЕБЕДЕВ. Пardon! Я как всегда не вовремя.

ЮЛЯ. Наоборот..

Отходит от ТИМА.

ЛЕБЕДЕВ. Я вот что удумал, друзья-товарищи... Ну, как, в самом деле, подойду к ней в кафе? С чем? Напугаю же только, верно? Поэтому я вспомнил о твоём давешнем плане, Юленька, насчёт домашнего ужина... И тут — эврика! — меня прямо осенило, — у вас же в субботу свадьба! Почему бы нам не пригласить Любицу? Скажем, в качестве свидетельницы? Улавливаете замысел? Мы с ней — оба ваши свидетели, сидим за одним столом, связаны общим делом... А там рассказы, тосты, шутки... Я ведь на всё эдакое мастер, не так ли? Думаю, мы славненько задружимся и потихонечку-полегонечку выьем этого негодяя Стаса из её головы.

ЮЛЯ. Ничего не получится, пан профессор.

ЛЕБЕДЕВ. Не получится? Почему?

ЮЛЯ. Потому что негодяй Стас нашёлся.

Поворачивается к ЛЕБЕДЕВУ.

ЛЕБЕДЕВ. Нашёлся? Каким образом?!

ЮЛЯ. Да самым зарядным. И в связи с этим, пан профессор, ваши наполеоновские шансы резко упали. Можно сказать, они рухнули до нуля. Даже за минусовую отметку.

ЛЕБЕДЕВ. Фантастика! Стоит мне только собраться силами, как тотчас же появляется этот Стас. Кто он такой? Откуда он берётся?

ЮЛЯ. Ни откуда. Но всегда вовремя.

ЛЕБЕДЕВ. Но я не намерен отступить. Твёрдо! Я хочу схватиться с этим Стасом! Хочу!

ЮЛЯ. Вы не поняли? Стас нашёлся лишь для того, чтобы исчезнуть вместе с вашей Любицей. И на этот раз — навсегда.

ЛЕБЕДЕВ. Навсегда? Вместе с Лю... Что ты говоришь? Это невозможно!

ЮЛЯ. Увы, боюсь, это уже свершилось.

Кивает на площадь за окном.

ЛЕБЕДЕВ. Как? Так быстро?

Недоверчиво подходит к окну, вскрикивает.

ЛЕБЕДЕВ. В палатке — другая! Не Любица!

ЮЛЯ. Это — Стерпица.

ЛЕБЕДЕВ. Какая ещё Стерпица? Прекрати! Сейчас не до дурацких каламбуров! Где Любица, я спрашиваю, где?

ЮЛЯ. Только не рвите свои последние седые волосы.

ЛЕБЕДЕВ. К чёртям волосы! (ТИМУ.) Мы должны её отыскать! Скорее! Немедленно!

ЮЛЯ. К сожалению, Тим не сможет составить вам компанию.

ЛЕБЕДЕВ. Не сможет? Почему?!

ЮЛЯ. Потому что... (Решительно.) Мы с ним расстаёмся, Станислав Петрович, навсегда.

ЛЕБЕДЕВ. С Тимом?!

ЮЛЯ. Мы поняли, что не любим друг друга.

ТИМ. Юленька!..

ЮЛЯ. Молчи, Тимчик, молчи! Так будет лучше.

ТИМ. Нет! Не будет лучше. Нет!

ЮЛЯ. Будет! Я это знаю точно Тимчик, и потому иду собирать твои вещи.

Уходит.

ЛЕБЕДЕВ. Ничего не понимаю! Какая муха вас укусила? Что произошло?

ТИМ. Произошло.

ЛЕБЕДЕВ. Я и спрашиваю: что?! У вас же всё нормально было... до моей ванны...

ТИМ. Значит, не было нормально... до вашей ванны!

ЛЕБЕДЕВ. Я не понимаю... Ты сердисься... А не лучше бы объяснить спокойно? Я бы мог вмешаться, повлиять...

ТИМ. Вы ничего больше не можете! Понятно? И уже давно! И не ходите за мной! Всё!

Едва сдержавшись, чтобы не ударить инстинктивно отпрянувшего ЛЕБЕДЕВА, ТИМ уходит.

ЛЕБЕДЕВ. Такое ощущение, что все сошли с ума. Просто взяли и спятели. Все разом! Что происходит? Что? *(Подходит к окну.)* Сначала рухнула моя страна. Теперь — любовь... Осталась лишь базарная площадь... А что такое базарная площадь? И что такое я? Без страны? Без любви? *(Потерянно молчит.)* Он прав этот скверный мальчик... Я уже ничего не могу. *(Поворачивается к тумбочке, берёт образок.)* Господи, Ты подарил мне жизнь, ты подарил мне любовь... И что же я сделал с ними, что? Кошмар!..

ЛЕБЕДЕВ плачет.

Плачет и вошедшая ЮЛЯ.

ЛЕБЕДЕВ поворачивается к ней, и они утыкаются друг в друга, плачут.

Затемнение.